

Евгений СУХОВ

АФЕРИСТЫ

АЛМАЗНЫЙ ОСТРОВ

ЭКМО

Червонные валеты

Евгений Сухов

Алмазный остров

«ЭКСМО»

2011

Сухов Е. Е.

Алмазный остров / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2011 — (Червонные валеты)

Афера – это искусство. А российский подданный Артур де Сорсо – подлинный виртуоз этого искусства. На его уловки «велись» проницательные промышленные магнаты Европы и Америки, холодные и расчетливые банкиры. Что уж там говорить об обычных людях... Да вот хотя бы та же афера с островом, на котором якобы обнаружили богатейшее месторождение алмазов! Спасибо королю российских медвежатников Савелию Родионову: он сумел раздобыть горсть алмазов для друга, так что Артуру было что предъявить недоверчивым покупателям. Но навар от аферы с островом оказался для Артура совершенно неожиданным...

© Сухов Е. Е., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Сухов

Алмазный остров

Часть I

АФЕРИСТКА

Глава 1

КЛУБ «ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ»

Путешественники бывают разные. Немало среди них таких, которые просто не способны жить на одном месте. В одиночку или с семьями, они ездят по городам и весям нашего небольшого, по сути, земного шарика, останавливаясь на время в выбранной ими стране или городе, чтобы, пожив там какое-то непродолжительное время, сняться вновь со всем своим скарбом, домочадцами, прислугой или без таковых – и снова отправиться в дорогу.

Бывают путешественники по долгу службы. К этой категории, как правило, относятся люди значительные, серьезные, со сведенными к переносице бровями, мало интересующиеся достопримечательностями тех мест, в которые они приезжают. Большую часть времени они проводят в разного рода департаментах, решая значимые служебные вопросы.

Есть путешественники, которые просто хотят посмотреть мир. Им интересны новые места, замки, дворцы, площади, исторические руины, музеи и библиотеки. Ежели средства позволяют, так отчего же не побывать, скажем, в Венеции, Ницце, а то и в Париже, или не поиграть, к примеру, в рулетку в знаменитом Монте-Карло?

А есть еще путешественники поневоле. Возможно, они были бы и рады остановиться где-нибудь на продолжительный срок, перевести дух, осмотреться, но этому не способствует сложившаяся ситуация. Обстоятельства подчас таковы, что в затылок им дышат полицейские ищейки, которым нет дела до желаний таких «путешественников». Задача полицианта заключается в том, чтобы выследить и изобличить законопреступника, а уже затем передать его в руки правосудия. А подчас и просто выслать из страны, если он «залетная птаха». Провинился, предположим, где-нибудь во Франции или Голландии, а податься ему уже некуда, потому что большинством европейских стран и Россией была принята конвенция о выдаче беглых преступников. Вот и горит у таких «путешественников» земля под ногами, и нет им нигде ни покоя, ни отдохновения или просто передышки.

У маркиза Артура де Сорсо, как он называл себя последние несколько лет, земля задымилась под ногами еще в Москве, когда Департамент полиции получил депешу из Петербурга с предписанием немедленно арестовать человека, «называющего себя маркизом де Сорсо». Возмущению полиции не было предела: «Мало того, что никакого Артура де Сорсо не существует в природе, так означенный лжемаркиз еще выдает себя за посланника Французской Республики и, тем самым, является самозванцем в квадрате!»

Далее в секретной депеше перечислялись приметы «мерзавца» и даже наличествовал перечень основных привычек лжемаркиза и лжепосланника, среди которых: облачение в альмавиву – широкий черный плащ, или дворянский кунтуш; ношение широкополой шляпы, надвинутой на самые глаза, кроме того, «маркиз» предпочитал останавливаться непременно в лучших и самых дорогих отелях, пусть даже если прибыл в город всего-то на один день.

Но надо признать, какое-то право называться маркизом де Сорсо у Артура (его действительно звали так) все же имелось: некогда его предок, маркиз де Сорсо, сбежал от Француз-

ской революции в Россию, где устроился гувернером в одно очень знатное и богатое семейство, принявшее его вполне благожелательно и почти как равню.

– Добро пожаловать в Россию, – сказал маркизу глава знатного и богатого семейства, усаживая его за общий стол. – Чувствуйте себя как дома...

– Благодарю вас, ваше сиятельство, – скромно ответил маркиз и расположился рядом со старшей дочерью главы семейства.

Почувствовал же француз себя по-настоящему дома тогда, когда, обучив девицу еще кое-чему, не входящему в программу французского языка и манер, принялся приятно проводить с ней время, а потом и вовсе начал жить с ней как с любовницей. По достижении семнадцати лет дочь главы знатного и богатого семейства сбежала с маркизом из родительского дома и месяцев через пять принесла ему дитя мужского полу.

Пропасть им не дали – молодые люди как-то отыскивали себе местечко в огромной Российской империи. А сын, родившийся у них, вполне законно унаследовал титул маркиза. У этого сына впоследствии родился свой отпрыск, а потом еще и внук, который также родил сына; вот его-то и называли Артуром. Титул маркизов в этих поколениях как-то потерялся (хотя отпрыски настоящего маркиза и сбежавшей с ним дочери хозяина весьма родовитого семейства продолжали – когда это было не лишено смысла – носить сей титул); к тому же дед Артура и отец были лишены всех прав и состояния, так как занимались противозаконными деяниями. Первый подвизался в Москве в качестве сутенера и продавал из-под полы сюртука картинки весьма фривольного содержания, за что и был осужден четырнадцать раз кряду. А второй, вместе с купеческим сыном Иннокентием Симоновым, содержал в доме на Маросейке увеселительное игорное заведение для богатых повес и загулявших купчиков, то бишь лохов, которых Артуров папенька с приятелями раздевали до нитки.

Приятель у родителя Артура, надо сказать, были весьма приметные: столбовой дворянин Алексей Огонь-Догановский, отец которого обчистил за ломберным столом самого Пушкина на двадцать пять тысяч рублей; генеральский сынок Пашка Шпейер, подвизавшийся на службе в Московском городском кредитном обществе; старший отпрыск тайного советника Давыдовского Ванюша, разбогатевший на банковских аферах, и Сонька Золотая Ручка со своими тремя бывшими мужьями и новым дружкой Мартином Якобсоном, за поимку которого в Швеции и Норвегии была назначена призовая сумма в двадцать тысяч золотых.

Именно в этом доме на Маросейке под номером четыре и родилась у развеселых молодых людей идея создания клуба пройдох и мошенников, который они называли «Червонный валет», куда со временем вошли все означенные выше лица плюс еще десятка три разного рода криминальных ухарей и аферистов. Бессменным председателем клуба был избран Павел Карлович Шпейер. Это именно он продал губернаторский дворец на Тверской английскому лорду за сто тысяч рублей со всеми строениями, мебелью и даже инвентарем.

Афера была великолепнейшей.

Вначале Паша Шпейер добился представления его генерал-губернатору князю Долгорукову и был представлен его сиятельству как молодой человек, подающий большие надежды в плане коммерции, что было совершеннейшей правдой. Конечно, со стороны добрейшего князя поступило предложение «захаживать» к нему «на огонек», на что Павел Карлович ответил:

– Благодарю вас, всенепременно.

И, надо признать, стал захаживать!

Они с князем беседовали на разные темы, касались политики, банковского дела и торговли, и добрейший князь Владимир Андреевич находил их взгляды весьма похожими.

– Этот молодой человек далеко пойдет, – не раз говаривал его сиятельство на различных приемах и балах. – Большого и деятельного ума человек.

Генерал-губернатор был прав: ума господин Шпейер был большого и, главное, деятельного. План, родившийся у Паши в голове, был прост и гениален, как, собственно, и случается у

натур энергичных и весьма неглупых: продать не принадлежащую ему недвижимость – причем не более и не менее как губернаторский дворец – какому-нибудь заезжему лоху-иностранцу, причем провести сие предприятие следовало красиво и весело, на потеху себе и приятелям.

Скоро подходящая кандидатура была найдена. Оставалось лишь малость: обработать самого князя Долгорукова и его челядь.

В одной из бесед с генерал-губернатором Павел Карлович испросил разрешения показать дворец своему знакомому английскому лорду. Дескать, означенный лорд просто сгорает от любопытства и желания взглянуть на апартаменты досточтимого князя, ибо весьма наслышан о великолепии сего дворца, а также о знатности и разуме московского генерал-губернатора.

– Так вы говорите, он лорд? – задумчиво спросил Долгоруков.

– Лорд, ваше сиятельство, – охотно подтвердил Паша.

– Фигура! – почтительно произнес Владимир Андреевич и разрешил Шпейеру показать лорду дом, поставив о том в известность своего камердинера и прислугу.

В один прекрасный день, на исходе августа, когда старый князь Долгоруков пребывал на водах в Баден-Бадене, подлечивая застарелую подагру и флиртуя с молоденькими женщинами, коих он, несмотря на возраст (а возможно, и благодаря ему), несказанно обожал, где-то в часу двенадцатом к губернаторскому дворцу на Тверской подъехала золоченая карета. Из нее вышли сухопарый английский лорд, Паша Шпейер и сопровождающий их чиновник, ни бельмеса не понимающий по-английски. Лорд тотчас принялся придирчиво осматривать дворец, прошелся по всем комнатам, включая чуланы и закуты, дотошно оглядел всю мебель и даже потрогал бархатные портьеры и поковырял ногтем стены. Говорил он только со Шпейером, естественно, по-английски, и чиновник, чувствовавший себя глуповато, не выдержав, поинтересовался у Паши:

– А что это наш лорд столь основательно все осматривает, будто собирается купить?

Павел Карлович искренне и весело рассмеялся, после чего серьезно отвечал:

– Не удивляйтесь, милейший, это у англичан в крови. Дотошный, надо признаться, народец...

Чиновник, удовлетворенный ответом, кивнул и уже не изумлялся, когда лорд столь же придирчиво осмотрел конюшню и все дворовые постройки.

Через несколько дней у знаменитого дома на Тверской остановилась вереница подвод с разным домашним скарбом. Преобладали чемоданы и сундуки. Лорд принялся деловито отдавать приказы своим людям, и те стали вносить вещи в губернаторский дворец. Сам лорд последовал с саквояжем прямиком в кабинет князя Долгорукова.

– Куда это вы направляетесь? – растерянно спросил лорда камердинер князя.

– К себе в кабинет, – невозмутимо ответил лорд.

– Это кабинет его сиятельства, – перегородил лорду дорогу камердинер. – И вам туда никак не можно.

– Можно, – ответил лорд и показал камердинеру купчую на дом, составленную и заверенную по всем правилам юридической науки. Однако бумага с печатями никак не подействовала на камердинера, готового на все ради генерал-губернатора. Он продолжал упорствовать и никак не хотел пускать иноземца в кабинет князя:

– Не можно!

Тогда лорд без всяких там политесов отодвинул слугу плечом и уверенно продолжил путь.

Камердинер, ошалев от такой неслыханной наглости, что есть мочи заорал лакеям:

– Ребята, дуйте в участок! Скажите, что чужаки англицкие самовольно губернаторов дворец захватывают!

Лорда кое-как выпроводили из дворца – с большим, надо признать, конфузом. А возникшим «недоразумением» тотчас занялась секретная канцелярия, и вскоре выяснилось, что

на руках у англичанина действительно была настоящая купчая на дом, по которой следовало, что он приобрел его за сто тысяч рублей со всеми постройками и мебелью у русского дворянина Шпейера. Лорд даже показал нотариальную контору, где была совершена данная сделка, а именно, на Второй Ямской. Правда, конторы как таковой там не оказалось, от нее остались лишь голые стены и затертый паркет, поскольку Паша Шпейер организовал ее с единственной целью: совершения купчей на губернаторский дворец.

Дело, естественно, замяли.

Скандалезного лорда, начавшего было возмущаться «российским беззаконием», удовольствовались возвратом суммы с процентами «за утрату нервических клеток», которые, как известно, не подлежат восстановлению, а вот Пашей Шпейером и его клубом заинтересовались вплотную. И за полгода собрали на «червонных валетов» достаточный материал, чтобы отправить их всех скопом на выселки Российской империи.

В феврале 1877 года состоялся суд. Москва гудит, в суд пропускают по предварительно выданным билетам, агитация полнейшая. Билет на процесс спрашивают за несколько кварталов от здания суда, как билет в театр, в котором решительнейший аншлаг:

– Простите, сударь (сударыня), нет ли у вас лишнего билетика? Как? Нет? А то я бы мог приобрести... Вдвое настоящей цены... Нет? Ну, тогда втрое...

На скамье подсудимых – «червонные валеты», всего сорок восемь человек. Сливки. Элита криминального мира Москвы по части мошенничеств и афер... Правда, Паше Шпейеру еще до суда удалось исчезнуть в неизвестном направлении; ушла из-под десницы правосудия и Сонька Золотая Ручка, выведя с собой и свою группу. А вот остальные... Словом, кого в работный дом, кого в Сибирь, кого в Вологду, кого в штрафные роты.

Артуров папенька попал на восемь лет в ссылку под Вологду, где и окончил бесславно свои дни в обществе престарелой марухи. Пятеро «червонных валетов» отделались штрафами. Единственным помилованным (хотя за ним уже числилась парочка средней руки афер, преимущественно в банковской сфере) оказался самый молодой «валет» – Артур де Сорсо, – носивший в те памятные времена прашурову фамилию и все свободное время проводивший в загородном ресторане «Стрельня», славящемся цыганами и купецкими загулами.

Ко времени суда над батенькой и его приятелями он еще не достиг совершеннолетия, а посему был оставлен доучиваться в пансионе, куда несколько лет назад был помещен. А по выходе из пансиона Артур де Сорсо неожиданно для всех исчез, так же как потерялся до него из Москвы бессменный председатель клуба «Червонный валет» Павел Карлович Шпейер.

Далее в биографии Артура было много разного и интересного. И собрание в Берлине и Лондоне – под личиной сына махараджи принца Гвалиоры – денежных средств в пользу индийских студентов. Было и основание в Петербурге российско-сицилийского благотворительного общества «Призреем всем миром сирых и убогих» – естественно, с принятием председательского кресла и проведением благотворительных лотерей в собственный карман. И аферы в Египте с акциями знаменитого Суэцкого канала. И много еще чего занимательного...

Пришлось однажды даже пиратом вырядиться. То есть, собственно, не вырядиться, а стать им. И отбить у полициантов в Индийском океане где-то между Мальдивами и Сингапуром короля российских медвежатников Савелия Родионова, когда того препровождали на сахалинскую каторгу. Потому как мало того, что дружками они были еще с берлинских времен, имелся у Артура перед Савелием должок. А долги у людей порядочных принято отдавать.

Для исполнения задуманного плана пришлось выкупить у одного египетского негоцианта торговое судно, переделать его в бриг и вооружить скорострельной пушкой на безоткатном лафете. Это для того, чтобы команда парохода и полицианты, везшие Родионова на каторгу, не вздумали противиться и спорить. Они, собственно, и не особенно спорили. И когда расчехлили на бриге пушку и направили в сторону парохода, – Родионова передали на бриг. А что тут поделаешь? Ведь ситуация была из таких, когда лучше бывает единожды подчиниться и

склонить главу перед явной силой, нежели найти могилу в бездонном океане за тысячи верст от родимой земли.

Ну а последней аферой, принесшей, правда, лишь дорогие подарки и не более, было надевание на себя – опять-таки с титулом маркиза де Сорсо – личины дипломатического посланника далекой, но дружественной Франции. Вот тут Артур едва унес ноги. А ведь уже казалось, что от адского изобретения доктора Гийотена уже не спрятаться и быть ему, обезглавленному, похороненным где-нибудь в безымянной могиле.

* * *

Паршиво чувствовать себя изгнанником. Скверно. Особенно когда в одном кармане пусто, а в другом и вовсе дыра. Последний целковый был отдан на билет до Варшавы, столицы Царства Польского. Царство-то оно, конечно, Польское, да вот только царем (то бишь королем) в нем оставалось то же самое лицо, что было императором в России. И полиция в Царстве Польском была российская. Так что лучше не рисковать и в Варшаву покудова не соваться, поскольку тамошний полицеймейстер да начальник сыскного отделения депешу об арестовании лжемаркиза и лжефранцузского посланника, верно, уже получили. И намотали на ус.

Оставалось ехать на окраину.

Гостиница «Европейская» в предместье Варшавы была самой лучшей и очень дорогой. Артура это смущало мало: ну, нет сегодня денег, так будут завтра. Или чуть позже. Деньги – не проблема, они ведь как навоз: сегодня нет, а завтра воз! Тем более что в банках Парижа и Ниццы у него имелись счета с весьма кругленькими суммами. В Париж, конечно, «посланнику» заявляться было небезопасно, а вот в Ниццу, тем паче в разгар сезона, когда отдыхающей публики там много больше, чем самих жителей, так это в самый раз! Стало быть, надо только раздобыть денег. На дорожку.

В дорожном саквояже у Артура лежали акции Транссибирской магистрали тысяч на пятьдесят серебром. Ну, почти как настоящие, не отличить (не считая двух орфографических ошибок). Заложить их у держателя гостиницы – и прямиком в Ниццу. А потом, Бог даст, с новым именем в новую жизнь! Имя он себе уже подобрал: Ламбер. Таковым он и записался в книге приезжающих: граф Артур де Ламбер из Парижа. Звучит, не правда ли?

К держателю «Европейской» Артур обратился на следующий по приезде день, держа в руках конверт со штемпелем Национального Парижского банка.

– Пан Дворжак, – сказал владельцу гостиницы Артур, вежливо улыбаясь. – У меня временные затруднения с наличными деньгами. Аккредитива в Варшаве у меня нет, а из Парижа, – он покрутил перед носом Дворжака конвертом с банковским штемпелем, – деньги придут, как мне о том пишут, только в следующий понедельник. Вследствие этого не соизволите ли вы выдать мне сумму в десять тысяч рублей серебром под залог моих ценных бумаг? Эта сумма крайне необходима мне сегодня же. Если вам потребны поручители, то ими могут выступить корнет Гродненского гусарского полку его сиятельство князь Чарторыйский, ее сиятельство графиня Мадлен Бжезинская и его превосходительство действительный статский советник барон Юлий Карлович Штаубе.

– Ну что вы, – немного смутился Дворжак, выслушав столь звучные фамилии знакомцев Артура и оглядывая его дорогую «визитку» английского сукна, шитую явно на заказ. – Мне, ваше сиятельство, достаточно вашего слова...

– Благодарю вас, – с чувством произнес «граф».

– ...и паспорта. Нынче у нас с этим строго. Поймите меня правильно... Вы у нас второй день, а проживать без прописки можно только три дня. Потом санкции пойдут, штраф на гостиницу наложат...

– Какие предрассудки, – изобразил на лице легкое возмущение Артур. – Зачем вам мой паспорт, когда я сам вот перед вами, живьем стою.

– Так положено, ваше сиятельство, – с чувством вздохнул Дворжак. – Нам и самим эти порядки осточертели, но что поделаешь?

– Но во всей Европе в отелях и гостиницах паспортов и видов на жительство никто никогда не спрашивает, – немного обеспокоился Артур. – Все и всегда довольствовались записью в гостиничном журнале.

– С некоторых пор мы не совсем Европа, – с печалинкой произнес пан Дворжак, намекая на принадлежность к Российской империи. – И порядки у нас, тем самым, не совсем европейские...

Артур понимающе кивнул и полез во внутренний карман визитного костюма. Там лежал паспорт на имя маркиза де Сорсо.

– Вот, прошу, – протянул он документ хозяину гостиницы.

Паспорт был настоящий, только слегка подправленный, что было совершенно незаметно. Поэтому Артур не волновался. И на вопрос Дворжака «Здесь же написано, что вы маркиз де Сорсо?» вынужденно, но спокойно изрек:

– Да, все так. Я и есть маркиз де Сорсо. Точнее, Артур Жан-Себастьян граф Ламбер маркиз де Сорсо. Паспорт мне, как видите, выдан в российском консульстве, а в России, как вы знаете, не приняты столь длинные имена. И я поэтому называю себя либо графом Ламбером, либо маркизом де Сорсо, ибо и то, и другое – верно.

Пока Дворжак записывал данные Артура в свою тетрадь, «граф» выжидающе смотрел на плешь хозяина гостиницы, словно хотел увидеть желаемое. Например, цифру десять тысяч рублей серебром... Когда Дворжак поднял голову от тетради, их взгляды на мгновение встретились, и Артур понял, что поляк денег даст. Естественно, под залог ценных бумаг, то бишь акций Транссибирской магистрали. Так оно позже и случилось: Дворжак залез в свою конторку и выдал «графу» взамен акций десять тысяч рублей ассигнациями.

– Вас это устроит, граф? – спросил он, отсчитывая Артуру деньги. – Все равно больше у меня нет.

– Что ж... – «Его сиятельство» для виду немного скривился, но деньги принял. – Благодарю вас. В понедельник я верну вам все сполна, не беспокойтесь.

– Я и не беспокоюсь, – ответил Дворжак и вдруг стал рассматривать свои руки, как будто в них было что-то интересное. На секунду Артуру показалось, что владелец гостиницы чего-то замышляет. «Надо скорее сматываться отсюда», – подумал мнимый граф и, улыбнувшись, дружески кивнул Дворжаку.

О том, чтобы послать гостиничного служку за билетами до Ниццы, не могло быть и речи. Наверняка все действия постояльцев тотчас становились известными Дворжаку. Поэтому Артур надел альмавиву, шляпу с большими полями и отправился в Варшаву.

Ах, Варшава!

Вполне европейская столица: Старый город, Новый город, дворцы королей и магнатов, знаменитые улицы-аллеи... Грандиозный православный собор на Саксонской площади, Большой театр на Театральной с балетом и миленькими паненками с точеными ножками и фигурками... Городские клубы и неизменная баккара, в которую однажды Артур выиграл сто восемьдесят тысяч франков и купил две виллы: одну в Ницце, другую под Парижем.

Парижская вилла давно ушла с торгов за долги, а вот вилла в Ницце была продана Артуром совсем недавно за сорок тысяч франков, и денежки эти целехонькими лежали в банке. Положить их в карман – и дунуть в Монако или, скажем, в Великое Герцогство Люксембург, где об Артуре де Сорсо не знали, а если бы и знали, все равно не выдали бы Франции, Германии или России (в этих странах, и Артур знал об этом, на него был объявлен розыск). Ибо

конвенцию о выдаче иностранных преступников ни Монако, ни Герцогство Люксембург не подписали...

Билет был куплен на завтрашний день – конечно, как и полагается значительной персоне, в первом классе. Артур еще немного походил по варшавским улицам, перекусил в кондитерской и, взяв извозчика, вернулся в гостиницу. Делать было нечего, вечер, неожиданно спустившийся на предместье, был темен и сыроват, и Артур, почитав газету и выпив бокал вина, решил отойти ко сну. Ибо проснуться надлежало рано, часов эдак в девять – половине десятого. Потому как поезд на Ниццу уходил ровно в двенадцать тридцать пополудни...

Глава 2

ИГРА В «ПОДКИДНОГО ДУРАКА»

– Я работаю из половины. – Дама сверкнула на пана Дворжак каким-то блестяще-влажным взглядом, от которого в нем тотчас проснулось желание. Нет, скорее, вожеление, потому как пан Дворжак возжелал занять эту дамочку тотчас. Вот ведь как оно бывает, видит ее всего-то третий раз в своей жизни, и все три раза она волнует его, как безусого юношу. А может, на сей раз получится? И его волнение закончится телесным наслаждением, чего он так страстно и безгранично жаждет?

Пан Дворжак потер вдруг вспотевшие ладони и пододвинулся поближе к даме.

– Тридцать, тридцать процентов, пани Амалия, – произнес он неожиданно сорвавшимся голосом и кашлянул, дабы прогнать появившуюся хрипоту.

– У вас инфлюэнца? – спросила женщина, не скрывая насмешки.

Она давно привыкла к тому, что мужчины ее хотят, и это ее даже заводило. Не в смысле тотчас отдаться тому, кто ее возжелал, но дабы поиграться с таким мужчиной, как кошка с мышкой.

Несмотря на свои тридцать два года, она была по-девичьи свежа, элегантна, обаятельна и очень мила. В стройной фигуре ни фунта лишнего веса, но и никакой девичьей угловатости. Ее формы были изящны и одновременно женственно аппетитны. И что бы ни говорили относительно преимуществ худых девиц перед всеми остальными, она-то превосходно знала, что мужчины предпочитают наличие форм, нежели их отсутствие или робкие намеки. И еще взгляд – весьма действенное оружие женщины. Пани Амалия обладала таким чарующим взглядом, который на мужчин действовал безотказно. И вкупе со всеми остальными женскими приемчиками, что имелись у нее в наличии и в чем не было недостатка, взгляд этот разил мужчин наповал, после чего из них можно было вить веревки и использовать по своему личному усмотрению.

Первую веревку Амалия Шульц свила из профессора антропологии Санкт-Петербургского университета Арона Шнобеля, когда была еще Ольгой Григорьевной Загалевиц и примерной дочерью часовщика из Стрельны Гирши Мовшовича Загалевица. Воспитывалась девица в частном закрытом пансионе, вследствие чего получила недурственное образование, в том числе и музыкальное, изящные манеры и знание трех европейских языков.

Образование же, особенно женское, как известно, развращает ум и заставляет желать лучшей доли, нежели быть просто дочерью рядового мещанина. А тут еще повадился ходить к ним с визитами пожилой университетский профессор господин Шнобель, только что получивший звание профессора ординарного, то есть полного, и Владимирский орден на университетский сюртук. Кажется, он положил глаз на старшую сестру Ольги – Мусю, которой уже стукнуло двадцать два. Было ординарному профессору немногим за пятьдесят, и Муся запросто годилась ему в дочери, но антрополога подобное обстоятельство смущало мало: желание, брат, оно завсегда пуще неволи. Быстро смекнув, что господину профессору нравится не собственно Муся, а ее младое тело, Ольга решила переключить его внимание на себя, – тело у нее было еще более упругое, более молодое и почти идеальное (ежели не считать, конечно, некоторых пикантных подробностей, впрочем, скорее привлекательных, нежели отталкивающих). Однако под одеждой их заметно не было, а кроме того свою роль сыграли и томные взгляды в сторону профессора антропологии, легкое покраснение щечек при встрече с ним и едва прозрачные намеки на имеющуюся к нему симпатию. Скоро надворный советник Арон Шнобель, ординарный профессор антропологии Императорского Санкт-Петербургского университета, переключил свое внимание на младшенькую, а через короткое время сделал Ольге предложение руки и сердца. Гирша Мовшович ничего не имел против, и Ольга Загалевиц из

мещанской дочери, словно по мановению волшебной палочки, сделалась профессоршей Ольгой Григорьевной Шнобель и переехала с «молодым супругом» в столицу Российской империи град Санкт-Петербург.

Надо признать, Оленька не чуралась любовных утех с пожилым мужем, однако в его объятиях оказывалась только тогда, когда сама этого хотела. Спальни их через месяц после свадьбы, по настоянию Ольги, уже находились в разных концах коридора. И не всегда по ночам, когда профессор, сгорая от вождления, стучался к своей молодой супругнице, ее двери открывались ему сразу. Зачастую профессор подолгу простаивал у порога любимой жены, упрасывая ее ласки, и, не добившись желаемого, уходил восвояси. Ольга привыкла помыкать мужчинами, и девичество потеряла не по настоянию своего первого ухажера, а по собственному хотению, уже в пятнадцать лет, почти принудив парня по имени Яцек сначала поцеловать ее в губы, а уже затем...

– Покажи мне его, – почти потребовала она от Яцека, когда они одни остались в ее комнате.

– Кого? – дрожащим от волнения голосом проблеял парень, хотя, конечно же, понимал, о чем идет речь.

– Ну... его, – повторила она и указала взглядом на низ живота.

– А ты свою... покажешь? – робко попросил он.

Не говоря больше ни слова, она подняла юбки и стянула с себя кружевные панталоны...

Яцек воззрился на то, что ему открылось, и стал судорожно стаскивать с себя штаны. А Ольга стояла перед ним, оголившись, и ее глаза сверкали темной влагой расширенных зрачков.

Когда Яцек спустил штаны, она поначалу испугалась. Как эта плоть, такая большая, может поместиться в ней?

Ольга осторожно дотронулась до напрягшегося естества Яцека, неотрывно глядя ему в глаза. В ответ парень тоже стал бережно трогать ее, и это было так приятно, что захотелось, чтобы подобное продолжалось вечно. Он стал шумно дышать, как будто только что закончил быстрый бег, и беспрестанно сглатывать слюну. Почувствовав, что момент настал, Ольга легла на кровать и потянула его за собой. Вошел он в нее неожиданно легко, а потом, после резкой и короткой боли, ее с ног до головы охватила горячая волна, и стало так сладко, как еще не было никогда в жизни.

Ах, сколько соблазнов предоставила ей новая петербургская жизнь! Разных, манящих и запретных. Но ведь человек для того и живет, чтобы вкусить от запретного плода и наслаждаться жизнью, разве не так? Ведь наша жизнь столь коротка! И лучше помереть в старости, вспоминая славно и весело проведенные денечки, нежели страдать и маяться, крепко сожалея об упущенных возможностях...

Петербург очаровал хорошенькую молодую провинциалку.

Роскошные дворцы, просторные парки, большие магазины со всякой всячиной, шикарные экипажи с гербами на дверцах... Изысканные наряды дам и шитые золотом мундиры их блестящих кавалеров и поклонников... Ольга тоже хотела стать одной из таких роскошных дам, и чтобы ее тоже окружали блистательные мужчины, готовые ради нее на всевозможные безрассудства.

Как пригодились знание языков и пансионное воспитание! Как к месту пришлось ее умение музицировать! Оленьке Шнобель понадобилось совсем немного времени, чтобы стать такой, какой она хотела: успешной дамой, у ног которой роились красивые мужчины, готовые исполнить любое ее приказание или жеманный каприз. Удовольствия пышной и шумной столичной жизни пришлось ей по вкусу. Дорогие подношения многочисленных «друзей дома» распалили ее аппетит, который, как известно, приходит во время еды. И Ольга вкушала удовольствий столько, сколько могла проглотить, то есть без меры.

Очень скоро пустые забавы успели ей наскучить: она уже имела все, что хотела прежде, но этого теперь ей было мало. Алчная натура «профессорши» требовала большего, чего антрополог, погруженный в свои научные изыскания и имеющий определенное государственное жалование, предоставить был не в состоянии. Кроме того, в Ольге проснулась страстная женщина, охочая до мужских ласк в той же мере, как и до блеска золота и сверкания драгоценных камней. Влиятельные любовники осыпали ее подарками, однако росли как траты, так и запросы. Когда через четыре года профессор решил ревизовать свое материальное состояние, оказалось, что он гол как сокол, да еще с минусовым балансом. То есть с приличными долгами, которые понаделала его красавица-супруга. Разговор, который пытался провести пожилой профессор с молодой профессоршей, вылился в банальный семейный скандал, который привел к разводу. Синод после полугодовой волынки разрешение на таковой дал, и Ольга снова стала свободной. Но сожалений по этому поводу она совершенно не испытывала: гораздо лучше были богатство и власть, нежели спокойная, но тоскливая и беспросветная участь профессорской жены, столь ей надоевшая. Профессор свою роль выполнил: вывел ее в свет. Пора было двигаться дальше, к власти и настоящим деньгам. Для чего был необходим новый муж, с положением и связями в высшем обществе...

Через месяц на руку и сердце Ольги было пять претендентов, которые вскоре были отклонены.

Первый получил отставку в силу своей молодости: надо было ждать, покуда у него появятся власть и деньги. И они у него со временем непременно бы появились, но ждать и надеяться было не в привычках экс-профессорши Ольги Григорьевны. Ей было необходимо все и побыстрее.

Второй из претендентов был невероятно хорош собой, но не имел надлежащих связей, и ими следовало обзаводиться, с чем худо-бедно Ольга могла справиться и сама. Тогда возникает резонный вопрос: зачем же он ей нужен?

Третий претендент владел огромными деньгами, но не имел соответствующего положения в обществе, был купцом. Четвертый и пятый были слишком старыми и вялыми и достигли своего потолка еще при Александре Миротворце, а ныне на дворе уже стояла эпоха Николая Второго, во многом отличавшаяся от эпохи его предшественника.

И тут появился претендент за номером шесть. Вдовец, владелец самого роскошного особняка на Литейном проспекте генерал-лейтенант от артиллерии фон Штайн. Его превосходительство являлся кавалером множества различных орденов, имел несколько собственных выездов, огромное количество слуг, приличные деньги, помещенные в ценные бумаги, солидные связи при дворе. Кроме того, он водил короткую дружбу с всесильным обер-прокурором Святейшего Синода Победоносцевым, проживающим также на Литейном проспекте в доме Духовного ведомства. Правда, генералу было немногим за семьдесят, но он был еще довольно бодрым стариканом и нравился Ольге больше, нежели профессор антропологии. То есть она не испытывала к генерал-лейтенанту от артиллерии ни отвращения, ни какой-либо антипатии, что весьма немаловажно при принятии решения выйти замуж и в дальнейшем возлежать с ним на супружеском ложе.

Познакомились они на одном из благотворительных вечеров Императорского Человеколюбивого общества, которое его превосходительство генерал Федор Карлович фон Штайн почитал как предлог или средство подумать и позаботиться о собственной душе, а Ольга Григорьевна – как повод завести очередное важное знакомство и блеснуть красотой и обаянием пред сильными мира сего.

Человеколюбивое общество было создано еще в первые годы царствования Александра Благословенного как благотворительное, по-другому, с целью оказания разного рода вспоможения сирым и бедным «без различия пола, возраста и вероисповедания, при всех проявлениях их нужд от младенческого возраста до глубокой старости». За сто с лишком лет существо-

вания общество создало более двухсот шестидесяти благотворительных учреждений в Санкт-Петербурге, Москве и во многих губернских и уездных городах всех российских губерний. Это были школы и гимназии, больницы и приюты, дешевые квартиры и народные столовые, дома призрения и швейные мастерские. Деньги в комитетах общества крутились огромные. Главным Попечителем являлся кто-либо из монарших особ, а совет Человеколюбивого общества состоял из чиновников такого ранга, что действительные статские советники, то есть «их превосходительства», были у таковых на побегушках. Так что свести знакомство на подобного рода мероприятиях было с кем.

Экс-профессоршу и генерала фон Штайна, постоянно жертвующего на богоугодные дела общества немалые суммы, познакомил синодальный секретарь Клирикин, ведший бракоразводное дело Ольги. Неизвестно, кто попросил его сделать подобное – генерал или сама Ольга, – только после торжественной части вечера, когда гости стали рассаживаться за столы, его превосходительство Федор Карлович и мадам Ольга Григорьевна, уже представленные друг другу, сидели за одним столом рядом друг с другом. Генерал ненавязчиво ухаживал за Ольгой и все более и более проникался к ней чувством, а молодая женщина смотрела на него влажным взглядом, в котором читались восхищение и восторг. Сей взгляд Ольга натренировала давно, когда была еще дочерью часовщика, и впервые испробовала его на профессоре антропологии. По собственному опыту она знала, что срабатывал он безотказно. Так же подействовал он и на генерала Штайна, поскольку после знакомства с ней Федор Карлович стал захаживать на квартиру Ольги едва ли не ежедневно, а та – отдавать ему визиты в его огромном особняке на Литейном не реже двух раз в неделю. Затем случилось то, что случается иногда между мужчиной и женщиной, вошедшими в дружескую связь: случайное соитие. Нет, это только так сказано, что случайное. На самом деле Федор Карлович желал сойтись с Ольгой Григорьевной с момента их знакомства, а бывшая профессорша решила отдать генералу из расчета еще сильнее привязать вдовца к себе. Естественно, как человек, имеющий понятие о чести, генерал немедленно сделал Ольге предложение, и через три месяца Ольга Григорьевна Шнобель сделалась генеральшей фон Штайн. Теперь ее жизнь стала протекать в роскошном особняке, где в ее распоряжении были с десяток слуг и служанок, собственный выезд и неисчислимое количество новых моднейших туалетов, самых дорогих и изысканных.

Генерал души не чаял в молодой жене, но той всего, что она имеет, вскоре стало мало. Повторилась история, уже случившаяся с профессором Шнобелем. Алчность ее к деньгам и удовольствиям не знала границ, аппетиты росли, и их нужно было как-то удовлетворять.

Как-то у них в гостях был синодальный секретарь Клирикин. Он был давним и тайным воздыхателем Ольги и набивался в ее поклонники, которые множились, как кролики. Собственно, они и были кроликами для Ольги, а она для них – удавом. Без дорогого или ценного подарка нечего было и думать о благорасположении генеральши фон Штайн. Помимо подарков, ей доставлял наслаждение сам процесс превращения вроде бы солидных и женатых мужчин в покладистых юношей, томимых желанием и страстью к ней. Завоевать кошелек у таковых было проще простого, и система отъема денег у «кроликов» не отличалась оригинальностью: Ольга Григорьевна под придуманным предлогом просто брала у них деньги займы и не возвращала. Некоторым из ухажеров она была должна дважды или даже трижды, и этих трижды обобранных остальные воздыхатели считали счастливыми, потому что они-то как раз и добивались столь жаждаемого блаженства с генеральшей. Естественно, ни о каком возвращении долгов «осчастливленными» и не заикались, а остальные готовы были дать за наслаждение с ней столько, сколько она запросит. И даже больше.

С Клирикина она запросила семь тысяч. Даже не за возможность обладать собой, а всего-то за надежду. И то весьма расплывчатую. Потому как просьба о деньгах была облачена в витиеватый намек на то, что ей хотелось бы принимать его, господина Клирикина, в бриллиантовой диадеме, на которую ей как раз не хватает семи тысяч рублей. Секретарь намек понял, сбе-

гал домой, или куда там еще, и через небольшое время вернулся с семью тысячами, которые попросил Ольгу принять.

– Отдадите, когда у вас появится таковая возможность, – благородно заявил синодальный секретарь, отказавшись от расписки и передавая ей конверт с деньгами.

Ольга взглянула на него блестящими влагой глазами, и Клирикин потерял дар речи. А когда она благосклонно разрешила ему поцеловать себя, секретарь уже истекал всеми соками. Он был несказанно счастлив.

Ольга лишь только вздохнула: но что это, прости господи, за деньги – пять, семь, ну пускай десять тысяч? Вот если бы пятьдесят, семьдесят или, скажем, сто! Но как их добыть, вот в чем вопрос.

И Ольга стала всерьез думать над этим вопросом. И как часто это случается, решение вдруг пришло к ней неожиданно, будто послало его само Провидение.

Как-то в руки Ольге попала газета «Биржевые ведомости». От нечего делать она стала листать ее и наткнулась на два объявления. Первое гласило, что известный в обеих столицах Торговый дом «Брауде и сыновья» нуждается в коммерческом директоре с опытом работы не менее двух лет. Оговаривался и залог, который должен был внести принятый на службу претендент, – двадцать пять тысяч рублей серебром. Потому как, по существовавшему неписаному правилу, в коммерческих делах от претендентов при поступлении на ответственные должности требовался залог на предмет их состоятельности и добропорядочности. Ольга тогда еще подумала, что сумма залога весьма неплохая, и перелистнула страницу. На следующей полосе некая Марфа Кирилловна Петрушкина, купчиха, недавно приобретшая имение князей Друцких, нуждалась в опытном управляющем с жалованьем в триста рублей серебром, который, однако, при поступлении на службу в знак добропорядочности обязан был внести залог в размере трехгодичного жалованья, то бишь около одиннадцати тысяч рублей. И тут Ольгу Григорьевну буквально осенило. А что, если ей самой выступить нанимательницей служащих для несуществующих фирм, желательнее предельно удаленных от Петербурга? Это же какие деньги можно насобирать совершенно без затрат, скажем, за месяц! А за полгода? А сколько же будет за год?!

От цифр с многочисленными нулями у женщины перехватило дыхание.

Верно! Ну кто, кто посмеет покуситься на жену заслуженного генерала, да еще со связями при царском дворе, водящего, помимо всего прочего, дружбу с самим Победоносцевым? Эх, если бы ей самой стать со всесильным обер-прокурором накоротке... Кто тогда посмеет пожаловаться на нее и обвинить в присвоении денег? Да никто и никогда!

И Ольга Григорьевна принялась за осуществление первого пункта своего плана: ввести в круг своих друзей и почитателей (лучше поклонников) самых всесильных людей столицы, а стало быть, и всей империи.

О, сколько манипуляций и ухищрений пришлось провести ей с мужем, чтобы добиться от него обещания пригласить Победоносцева на званый ужин! Да еще так пригласить, чтобы бука Константин Петрович, довольно замкнутый в неформальном общении, это приглашение все-таки принял.

И он принял!

Ольга Григорьевна была почти счастлива, когда парадные двери лучшего особняка на Литейном проспекте раскрылись, пропуская художавую фигурку вершителя судеб. Фамилия у него была звучная. А как звучали его звания и чины! Обер-прокурор Святейшего Синода. Действительный тайный советник – выше только канцлер и сам государь император. Член Комитета министров, член Государственного совета. Сенатор и статс-секретарь! Кавалер орденов Святого Александра Невского и Святого Андрея Первозванного, и прочая, прочая, прочая... Только вот росточком его высокопревосходительство не задался. И скорее походил на старую плешивую макаку, нежели на государственного сановника наивысшего ранга. Хотя подобное

обстоятельство совершенно не было решающим и меркло пред всеми чинами и регалиями, которые имел этот небольшой человек.

Ольге он даже понравился: не было обвислых щек, необъятного пуза, чего она в мужчинах терпеть не могла, и в свои почти восемьдесят лет Константин Петрович Победоносцев выглядел от силы на шестьдесят пять. Но более всего он понравился ей своей необъятной властью, которой буквально веяло от его сухонькой фигуры.

Надо признать, что действительный тайный советник был просто очарован молодой хозяйкой. Встречен он был не как государственный деятель, но как старый знакомый, друг семьи и интересный собеседник. Это сразу сняло напряжение, какое обычно случается в первую встречу, и Победоносцев расслабился, так как привык, что по приглашению в какой-либо дом его сразу же начинали о чем-нибудь просить.

Здесь же все было иначе. Генерал, его старый товарищ, больше помалкивал, и течение визита его к фон Штайну взяла в руки Ольга Григорьевна, генеральская супружница.

Она не была навязчивой, живо интересовалась делами Синода, внимательно выслушивала мнение гостя относительно тех или иных государственных проблем и понимающе качала головой.

– А как вы относитесь к карточным играм на деньги? – спрашивала Ольга, заглядывая влажным взором в глаза важного человека. – Мне кажется, их надо запретить. Ведь это так развращает нравы молодежи!

– Совершенно с вами согласен, – одобрительно кивал плешивой головой Победоносцев, с удовольствием глядя на собеседницу. – Только, прошу прощения, азартные карточные игры нами уже запрещены. Правда, во многих домах все же играют, – развел он руками.

– Я думаю, игра, скажем, в подкидного дурака не так уж и страшна... Или раскладывание пасьянса. – Ольга немного помолчала, словно обдумывала новую мысль. – Ведь надо же чем-то заниматься нашим милым старушкам по вечерам.

– И опять я с вами совершенно согласен, – охотно поддакнул ей Константин Петрович, уже очарованный хозяйкой столь гостеприимного и приятного дома. – Мы ведем борьбу только с азартными играми, которые уже принесли и продолжают приносить только вред, а зачастую и горе. Ведь проигрываются огромные деньги, родовые имения и, простите меня, даже... жены.

– Жены? – удивилась Ольга.

– Именно так, – подтвердил Победоносцев. – И это уже совершенно никуда не годится!

– Ах, как вы правы, – Ольга проникновенно посмотрела Константину Петровичу в глаза. – Ведь это совершеннейшее падение нравов. Но, – она потупилась, – все мы в чем-то грешны, поэтому осуждать людей я лично не могу. Еще Мирабо говорил, что осуждающий человеческие пороки не любит людей. А я – люблю.

Последняя фраза настолько тронула старика, что он едва не прослезился. До чего же славная женщина! Как же повезло Федору Карловичу!

Уходил Победоносцев от фон Штайнов умиленный и полностью замороженный хозяйкой. И, конечно, принял приглашение посетить их в следующее воскресенье, потому как у Ольги Григорьевны намечался день ангела. А следом за действительным тайным советником стали бывать в особняке на Литейном и просто тайные советники. И члены Государственного совета. И сенаторы. И сам петербургский градоначальник, генерал от кавалерии Николай Васильевич Клейгельс, сделавшийся одним из самых рьяных почитателей Ольги Григорьевны, а впоследствии и ее защитником. Говаривали, что из-за частых посещений дома фон Штайна, а ежели говорить точнее, генеральши фон Штайн, у бесстрашного некогда рубаки и красавца Клейгельса происходили скандалы с супругой, и будто бы она таскала его за поседевшие бакенбарды, доходящие до груди, и рвала их в клочья. Так или иначе, но первая часть плана генеральши фон Штайн была выполнена: весь Петербург знал, какого масштаба люди бывают в особняке на Литейном и почему.

Пора было переходить ко второй части плана...

* * *

– У вас инфлюэнца? – не скрывая насмешки, спросила Амалия Шульц, то есть Ольга Григорьевна Штайн, и пытливо посмотрела на Дворжака.

Сейчас, со вспотевшими от нахлынувшего желания ладошками и восставшим, судя по оттопыренному заду, естественном, он был в полной ее власти, и из него запросто можно было вить веревки. Что ж, почему бы не пообещать ему то, что потом можно и не исполнить? Ведь не первый же раз. Мужчинам нужно дарить надежду, а там как сложится.

– Нет, – ответил владелец гостиницы и сглотнул. Его помутневший от похоти взор буквально вонзился в едва прикрытую грудь прехорошенькой женщины.

– Вы хотите мне что-то сказать? – сделавшись вдруг серьезной, спросила Ольга. – Впрочем, нет, лучше помолчите. Я догадываюсь сама. – Она улыбнулась и едва слышно добавила: – Милый...

– О-о, – простонал Дворжак и припал к ручке дамы. – Неужели мое счастье возможно?

– В этой жизни возможно все, – менторским тоном ответила фон Штайн и обворожительно улыбнулась.

– Когда же, когда?! – воскликнул Дворжак и предпринял попытку обнять Ольгу.

– Скоро, очень скоро, – увернулась от его объятий Ольга Григорьевна. – Давайте после завершения нашего дела.

– После дела, – повторил за ней Дворжак.

– Именно так, – поставила точку в их торгах Ольга. – Сразу после того, как мы поделим наши денежки, – добавила она. – Пятьдесят на пятьдесят. Вы согласны со мной?

Держатель «Европейской» снова сглотнул и решительно мотнул головой:

– Да.

– Вот и славно, – снова улыбнулась Ольга. – А теперь позвольте, я пройду к себе... Я устала.

Получив ключ от соседней с номером Артура комнаты, госпожа фон Штайн прошла к себе. Собственно, то, что она замышляла и для чего ее пригласили из Лазенок, где квартировался Гродненский гусарский полк, с командиром которого Ольга крутила бурный роман, принесший ей доход в виде разных ювелирных безделиц тысяч на семь серебром, было не ее изобретением. Прием гостиничных краж, который она намеревалась проделать с графом Ламбером, по-другому маркизом де Сорсо, был придуман Сурочкой Блювштейн, известной в российском воровском мире и многих европейских странах как Сонька Золотая Ручка, и назывался он весьма остроумно: «Гутен морген». Этот прием был прост до гениальности, если хотите, гениален до простоты. Ранним утром элегантная и спокойная воровка проникала в номер намеченной жертвы и принималась искать деньги и драгоценности. Если жертва просыпалась и начинала недоумевать, Сонька рассыпалась в извинениях и вполне непринужденно делала вид, что ошиблась номером. Иногда она выдавала себя за француженку или немку, иногда за слегка подвыпившую даму полусвета, а дабы вознаградить жертву за причиненное беспокойство, отдавалась ей – в смысле, ему – и осыпала ласками, после чего «клиент» уже и не думал возмущаться или жаловаться гостиничному управляющему.

Уходила Сонька всегда с добычей.

Если же жертва не просыпалась, то наутро обнаруживала себя обчищенной до нитки, и сколь бы она ни ругалась и ни требовала возмещения утраты, ответственность за нее нес один лишь коридорный, с которого, по существу, нечего было и взять. А Сонька тем временем уже катила на лихой троечке по бескрайним российским просторам либо пересекала на поезде гра-

ницу соседнего европейского государства, чтобы в одном из лучших здешних отелей с блеском проделать аналогичную операцию.

Не без зависти поговаривали, что однажды подобным образом она вынесла из номера какого-то промышленника или негодяя сумму в четыреста тысяч франков, на которую трезво мыслящий человек смог бы до скончания века прожить в достатке сам и поднять на ноги своих детей и внуков. Соньке Золотой Ручке с ее непомерными запросами четырехсот тысяч хватило лишь на полтора месяца.

Метод «Гутен морген» нередко использовала и Ольга, особенно ежели ее нанимали для этого специально, дабы «обуть» какого-нибудь знатного богатея, за которого в этот раз и был принят маркиз Артур. Сама же родоначальница метода после знаменитого побега в девяносто первом году из каторжного централа прочно и надолго обосновалась на Сахалине, куда, как известно, по собственной воле ездят крайне редко. После того, как японцам передали Южный Сахалин, а каторжан распределили по другим острогам и каторгам, следы ее неожиданно потерялись. Поговаривали, что ее препроводили на Тобольскую каторгу. Правда, в прошлом году Ольга видела в одной из дорогих ресторанов Берлина весьма похожую на Соньку даму и даже подошла к ней, дабы засвидетельствовать свое почтение, однако узнана не была, испытав небольшой конфуз. Позже, рассказав о своем смущении одному из своих фатовых друзей, Ольга узнала от него, что на каторге Сонька Золотая Ручка провела недолго (от силы месяц!), а все остальное время за нее просидела «сменщица»: сама же великая и непревзойденная царица воров и мошенников нашла способ, чтобы добраться до Америки. А теперь, ходят слухи, «работает» исключительно в Европах...

Ночью Ольге снилась старшая сестра. Располневшая Муся яростно раздувала сапогом самовар и ругалась с отцом насчет варенья – старик в последнее время стал шибко любить сладкое и невероятно обрюзг. И вообще, характер Муси с того времени, как профессор предпочел ей Ольгу, резко изменился в худшую сторону. Сестрица сделалась сварливой и вспылила по всякому, даже самому незначительному поводу. Настроение у нее менялось на дню раз по десять. Впрочем, в этом было мало удивительного: характер у старых дев, как известно, не сахар. Плохо им на белом свете. Ущербно и тоскливо. Ибо никому они не нужны, даже самим себе. Эх, что же тут поделаешь...

Стало быть, Муся возилась с самоваром и поглядывала за отцом, чтобы он не добрался до варенья. Иногда она бросала укоризненные и пылающие ненавистью взоры в ее, Ольги, сторону, как бы говоря: э-эх, сестренка, какая же ты все-таки сука. Тебе, мол, хорошо в Парижах своих, а мне здесь, в Стрельне, – хоть удавись с тоски! Когда она в очередной раз зло посмотрела на нее, Ольга решила ответить ей что-нибудь резкое и... проснулась.

Наручные часики, золотые, с рассыпанными по всему корпусу мелкими бриллианчиками, показывали без четверти четыре – самое время идти на промысел. Жертва в данную минуту спит без задних ног, потому как утренний сон самый сладостный. Не зря многие войны начинаются именно ранним утром. Противник крепко дрыхнет, тут-то самое время нанести ему ощутимый урон, покуда он не очухался. А как очухается, глядишь, половина его войска уже перебита...

Ольга быстро поднялась, оделась так, будто только что пришла с бала или затянувшегося великосветского раута. Мазнула за ушками французским одеколоном, тщательно причесалась, оставив в волосах легкую небрежность, и тихонько вышла из номера. Мягко, без звука открыла соседнюю дверь ключом, любезно предоставленным ей Дворжаком, и на цыпочках ступила в узкий коридор гостиничного номера. Подождала, когда глаза привыкнут к предрассветной мгле, и...

Глава 3

ВЫ КО МНЕ, ГОСПОДА ПОЛИЦЕЙСКИЕ?

Есть люди, которые всегда чувствуют опасность. Даже если она от них пока еще далеко. В подобных людей как будто встроен некий будильник, который дает сигнал: внимание, скоро случится беда. И если человек спит, то неожиданно просыпается перед опасностью, а если бодрствует, то сосредоточивается и становится осторожным...

Артура будто кто-то толкнул кулаком в бок. Маркиз открыл глаза и в неясном предутреннем свете увидел силуэт женщины. Она по-хозяйски шарила в его дорожной сумке. Первым его порывом было встать и скрутить воровке руки. Но затем он решил понаблюдать за похитительницей. Кажется, она была прехорошенькой, а движения ее были так выверены и ловки, что в ней сразу чувствовался профессионал своего дела. Маркиз даже невольно залюбовался ее работой.

Вытащив из дорожного саквояжа все, что ее заинтересовало: инкрустированную жемчугом шкатулку, подаренную ему как посланнику далекой, но дружественной страны Франции, пачку облигаций четырехпроцентного займа (разумеется, фальшивых) и два ордена Станислава второй и третьей степеней (настоящих), которые Артур надевал, когда представлялся кавалергардским полковником, дамочка принялась за сюртук. Ловкие пальчики мигом нащупали тугое портмоне с паспортом и десятью тысячами рублей, отыскав которые она едва не захлопала в ладоши. Потом, оглянувшись на Артура – он едва успел прикрыть глаза, – грабительница прошла к шкапу и мягким движением открыла дверцу, повернувшись на сей раз к нему спиной. «Граф» осторожно сбросил с себя одеяло и, моля Бога, чтобы не скрипнула кровать, присел и опустил ноги на пол. Кровать не скрипнула. Артур медленно встал и, как был, в одной ночной рубашке до колен, тихо прошел к настенному выключателю и повернул его.

Люстра мгновенно вспыхнула всеми двенадцатью лампами по десять свечей. Женщина замерла, а затем быстро обернулась, и на лице ее отразилось крайнее удивление.

– Боже мой, – громко воскликнула она, оглядывая комнату. – Это же не мой номер!

– Не ваш, – насмешливо подтвердил Артур. – Смею вас уверить.

Ольга растерянно посмотрела на портмоне в руках и раскрытый дорожный саквояж.

– Саквояж весьма похож на мой, а вот портмоне не мое...

– Не ваше, – эхом повторил Артур.

– А это какой номер?

– Сорок восьмой, – ответил Артур.

– Господи ты боже мой, – воскликнула Ольга. – А я живу в номере пятидесятом. Надо же, – она очаровательно улыбнулась и влажно сверкнула глазами, – я просто перепутала номера! Понимаете, я была на вечеринке, и мы немного... засиделись. И в темноте я, – она коротко хохотнула, – перепутала вашу дверь со своей.

– Бывает, – улыбнулся в ответ «граф».

– Ну что ж, – Ольга Григорьевна смущенно развела руками, – тогда я, пожалуй, пойду...

– Куда? – вежливо поинтересовался Артур.

– К себе.

Она сделала движение, направляясь к двери, но Артур перегородил ей дорогу:

– Прошу прощения, сударыня, но не соизволите ли вы вернуть мне паспорт и портмоне. И протянул руку.

– Что? Ах да, ну конечно, простите, – Ольга судорожно сунула в руку Артура паспорт и портмоне. – Теперь я могу наконец идти?

– Одну минутку, – ответил «граф» и раскрыл портмоне. Оно было пусто. Артур посмотрел во влажные глаза женщины и печально произнес: – Смею вас уверить, сударыня, здесь до вашего случайного прихода лежали деньги. А теперь их нет...

– Уж не хотите ли вы сказать, – Ольга постаралась как можно негодуя сверкнуть глазами, и у нее это получилось, – что это я взяла ваши деньги? Да как вы...

– Именно это я и хочу сказать, сударыня, – перебил ее Артур. Затем он протянул руку к декольте женщины и, быстро сунув два пальца за лиф, ловко вытащил деньги.

– Черт! – Ольга закусила губку и вызывающе посмотрела на Артура. – Поверьте, это вышло случайно... Даже не знаю, как это произошло.

– Верю, верю, – участливо произнес «граф» и, взяв Ольгу под локоток, провел ее обратно в комнату. – Случается. А теперь, сударыня, будьте добры, верните мне платиновые запонки, галстучную булавку и наручные часы. Знаете, я очень дорожу этими вещами. Особенно запонками. Простите мне эту слабость.

Ольга хотела было вознегодовать, но быстро раздумала и, вздохнув, выложила на стол все перечисленные Артуром предметы.

– Что, будете вызывать полицию? – дерзко спросила она и нахально задрала прелестный носик.

– Ну-у... Я еще не решил, – раздумчиво ответил Артур, заинтересованным взглядом оглядывая женщину. Его взгляд не ускользнул от Ольги, и она приосанилась. Затем метнула в «графа» свой знаменитый взгляд, разящий мужчин наповал, будто бы кинжальный удар. Но мужчина в ночной рубашке не испепелился от спалившего его желания и даже не упал замертво, агонизируя всеми членами. Правда, его слегка бросило в дрожь от предвкушения наслаждения, которое вот-вот случится, ибо был он из костей и плоти, одна частичка которой, превратившись во внушительную часть, уже заметно выпирала из-под рубашки.

Ольга, скользнув по ней взглядом, успокоилась и стала расстегивать шнуровку на лифе. Конечно, ни в какую полицию граф обращаться не будет. Возможно, от него все же получится взять какие-то комиссионные.

Когда она разделась донага, Артур снял рубашку и потянул Ольгу к кровати. Уже почти рассвело, хотя и было довольно пасмурно. День обещал начаться утренним дождиком, ласками и неистовством, против чего ни мужчина, ни женщина совершенно не возражали.

* * *

Кто бы мог подумать, что Ольге Григорьевне фон Штайн, блестящей даме столичного света, о которой с завистью и восхищением говорили в лучших гостиных Санкт-Петербурга, генеральше, известной самому действительному тайному советнику Победоносцеву, короткой знакомой нескольких сенаторов, двух членов Государственного совета, троих депутатов Государственной думы и самого петербургского градоначальника Клейгельса, придется заниматься гостиничными кражами? То есть воровством в общем и гостиничными кражами в частности. А ведь поначалу все складывалось так славно, и денежки просто рекой текли напрямиком в карман Ольги Григорьевны...

Закончив осуществление первой части плана, а именно перезнакомившись с сильными мира сего и заручившись тем самым их непреложной поддержкой – по крайней мере, в чужих глазах, – генеральша фон Штайн приступила к реализации второй части плана, то есть к непосредственному отъему денег у простаков. Начала она с того, что поместила в нескольких газетах объявление о найме управляющего сибирскими золотыми приисками, которыми якобы владела Ольга Григорьевна фон Штайн, генеральша, весьма известная всему петербургскому свету.

Буквально на следующий день после публикации в «кабинет» Ольги Григорьевны первым вошел представительный мужчина с купецкой русой бородой на два раствора. Представился он как купец второй гильдии Филипп Меркурьевич Квасников, промышленник средней руки, владеющий родовым пиво- и квасоваренным заводом. Дела у него шли ходко, пиво было отменным и много лучше «Баварского», а квас и вовсе продавался в одночасье. Но вот попала купцу и промышленнику вожжа под хвост: захотелось ему сделаться владельцем золотых приисков, а для того чтобы знать, которые из них золотоносны, а какие пусты или уже истощены, решил он изучить сию тему досконально, для чего возжелал сделаться покудова управляющим.

Ольга встретила Квасникова дружелюбно и по-простому, что сразу расположило купца к генеральше, титулом не кичилась и спросила с него залог в тридцать тысяч, каковые денежки Филипп Меркурьевич без зазрения и выложил. Причем, заметьте, добровольно. Да и как было не выложить, коли во время их сделки к генеральше фон Штайн пришли приложиться к ручке и по-свойски попить чайку два депутата Государственной думы. И Ольга Григорьевна приняла их в своем кабинете как старых и добрых друзей!

Дабы не мешать государственным мужам, Квасников откланялся и ушел, неся в душе радость от столь удачно проведенной операции (он думал, что генеральша потребует с него в качестве залога никак не менее пятидесяти тысяч рублей), договор о принятии его на службу управляющим сибирскими золотыми приисками с окладом четыреста пятьдесят рублей и оговоренными полутора процентами с добычи.

После Квасникова соискатели на должность управляющего сибирскими приисками повалили один за другим. Ольга Григорьевна со всеми кандидатами была проста в обращении, дружелюбна и лишь увеличивала сумму залога. И все соискатели уходили довольными, потирая руки и пряча во внутренних карманах договоры о принятии их на службу.

Последний, кто вышел из Ольгиного кабинета, сияя во всю ширь своих толстых щек, был некто Иван Казимирович Штуцер, не моргнув глазом выложивший залог в пятьдесят пять тысяч рублей. Подсчитав доход, который принесло лишь одно объявление о найме управляющего мифическими приисками, Ольга Григорьевна пришла в благоговейный трепет: триста тридцать тысяч рублей за один присест! «Коммерция» складывалась весьма удачно. Эдак, при желании, можно насобирать пару миллионов и жить припеваючи где-нибудь на Лазурном Берегу, оставив всяких профессоров и генералов прозябать в немойтой России.

Задумано – сделано! И Ольга Григорьевна наняла петербуржца Коковцева, из мещан, дабы он поехал в Ниццу для покупки виллы с бассейном и непременно большим садом. Отдав залог в размере четырех тысяч рублей (фон Штайн не преминула и с него слупить залоговую сумму), Коковцев получил двести рублей «командировочных» и отправился за границу подписывать нанимательнице заказанную недвижимость. Он был еще в дороге, когда Ольга Григорьевна принялась раздавать – под залог, естественно, – должности начальника лазарета, управляющего посреднической фирмой и директора картинной галереи, в которой она намеревалась выставлять «подлинных» Рубенса, Делакруа и Моне.

Денежки текли рекой!

Помимо шикарных нарядов и ужинов в ресторанах, Ольга Григорьевна прикупила себе по случаю карету знаменитого мастера Иоганна Иохима, тройку дорогущих рысаков-парадеров и спортивно-прогулочное авто «Олдсмобиль», отделанное красным деревом и серебром, научившись управлять автомобилем одной из первых женщин в России.

«Недовольные» появились не сразу.

Поначалу управляющие домами и фирмами, «принадлежащими» фон Штайн, терпеливо выжидали. Попробуй, сунься в особняк на Литейном проспекте, куда запросто заходят испить чайку сенаторы и члены Государственного совета, а иной раз заявляется и сам обер-прокурор Синода! Да еще осмелюсь попросить назад залог. Взашей вытолкают!

Именно так и поступили с «начальником» лазарета для сифилитических больных, стариком Цыбулько, который пришел как-то истребовать с Ольги Григорьевны свою залоговую сумму в пять тысяч рублей, – единственные деньги, что у него были. Возмущению генеральши не было предела, и слуги просто вышвырнули Цыбулько за порог. Опечаленный старик, оставшийся без накоплений, пришел домой, а вечером его хватил апоплексический удар, и вскорости он отдал Богу душу. Еще трое «начальников» сифилитического лазарета, принятых генеральшей на «вакантную» должность, узнав о случившемся с их товарищем по несчастью Цыбулько, смирились с утратой своих денег и дали себе зарок не попадаться более на подобного рода предложения.

Двое из восьми «директоров» картинной галереи, отдавших в залог сей должности по четыре тысячи рублей, ходили на прием к генеральше фон Штайн всем скопом и получили в качестве отступных по пятьсот рублей, чем и удовлетворились, рассуждая, очевидно, по мудрой поговорке: с паршивой овцы хоть шерсти клок. Да еще четырнадцать тысяч неизвестно каким образом выторговал у генеральши «управляющий» сибирскими золотыми приисками Иван Казимирович Штуцер. Собственно, и все. Более никаких претензий ни к Ольге Григорьевне, ни в Окружную прокуратуру не поступало, потому как тягаться с сильными мира сего, тем более в России, дело всегда неблагодарное, а часто и вовсе опасное, и может выйти боком. Кроме того, не хотелось выставлять себя на посмешище перед всем городом, и тем самым загубить репутацию, заработанную долгой безупречной службой.

Кто потом доверится облапошенному дураку?

Ольга же чувствовала себя прекрасно и жила припеваючи, тратя денежки направо и налево. На письма Квасникова, рыскающего по Сибири в поисках мифических приисков генеральши фон Штайн, она не отвечала, полагая, что дело это как-нибудь само рассосется.

Но – увь! – не рассосалось. Купец Квасников, околпаченный, крепко потратившийся и привыкший сам околпачивать своих клиентов, озлился не на шутку, вернулся в Петербург и напрямик отправился к генеральше.

Ольга Григорьевна, как это водилось с ее околпаченными соискателями, его не приняла и велела слугам вышвырнуть его вон, что и было ими проделано с большой охотой.

Тогда купец проник в дом с черного хода. Он почти дошел до кабинета Ольги фон Штайн, когда два лакея взяли его под руки.

– Что такое! – взревел Квасников, но тут из кабинета генеральши вышел сам петербургский градоначальник их высокопревосходительство генерал от кавалерии Николай Васильевич Клейгельс.

– Ты что здесь шумишь? – хмуро спросил градоначальник и недобро посмотрел на Квасникова. – По арестантскому дому соскучился?

– Да я... дыть... веть...

– Пшел вон! – безапелляционно заявил ему Клейгельс. – И чтоб ноги твоей не было больше в этом доме...

Больше в особняк на Литейном купец Квасников на хаживал. От греха подальше... И притих. Однако потеря тридцати тысяч целковых сжигала его нутро и не давала ему покоя. Он по-тихому стал сводить знакомства с прокурорскими и вышел на некоего Илью Ильича Писемского, дворянина из бывших офицеров, вынужденного уйти в отставку из-за дуэли, случившейся в полку. Илья Ильич только что был брошен любимой женщиной, которая променяла его на какого-то богатого старика, и по этой причине он смертно возненавидел поголовно весь женский пол: особенно доставалось от него хорошеньким молодым дамам и ветреным кокоткам.

– Вот такие они, пироги, – закончил купец свое невеселое повествование.

– Не сладкие, надо сказать, получились пироги, батенька.

Квасников вздохнул и посмотрел Писемскому в глаза.

– И я об том же! – подхватил купец. – Всю Сибирь исколесил. Даже грузчиком пришлось подрабатывать, чтобы набрать денег на обратный путь. Где же это видано!.. Обвели меня вокруг пальца как дитя малое.

– А как зовут сию особу? – раздумчиво спросил прокурорский.

– Ольга Григорьевна фон Штайн, – быстро ответил Квасников.

– Это супруга генерала Федора Карловича фон Штайна? – удивленно поднял брови Писемский.

– Она самая, – подтвердил купец.

– Ну ты, брат, угодил... Доводилось видывать, – как-то непонятно для Квасникова заметил Писемский. – Шикарная особа.

Слово «шикарная» было произнесено с таким оттенком, с каким обычно произносится слово «курва».

«Ну, все, – обреченно подумал купец. – И этот не возьмется тягаться».

Однако купчина ошибся. Писемский не только взялся за это дело, заставив Квасникова написать подробно о случившемся, сняв с него, таким образом, официальные показания, но и занялся сбором материалов на Ольгу Григорьевну. Люди, обобранные ею, отвечали неохотно, а то и вовсе отказывались что-либо говорить, опасаясь связываться с ней и ее всесильными покровителями. Уговаривая, щедро раздавая обещания и даже угрожая потерпевшим привлечением к ответственности за недоносительство, Писемский все же собрал на мошенницу необходимый материал. Потом, несмотря на противодействие генерала Клейгельса, протащил несколько публикаций о делах генеральши фон Штайн в газетах «Новое время» и «Санкт-Петербургский листок», чем подготовил общественное мнение о деяниях генеральши в нужном для него направлении.

Общественность негодовала на нравы правящего класса, разносчики газет выкрикивали на улицах звонкими голосами имя генеральши в соседстве со словами «мошенница» и «аферистка». Теперь можно было открывать против Ольги Григорьевны фон Штайн официальное следствие. Что прокурор Писемский незамедлительно и произвел...

* * *

Профукать триста тысяч рублей с лишком весьма не просто. Для этого нужно огромное желание и сноровка.

Всем этим Ольга Григорьевна обладала в достаточной мере, так что к моменту начала следствия от былых капиталов у нее мало что и осталось. Возвращать потерпевшим утраченные сбережения и «гасить» следствие, как советовал обер-прокурор Священного Синода действительный тайный советник Победоносцев, было уже нечем. Тем паче не на что было купить виллу в Ницце, которую присмотрел-таки для нее мещанин Коковцев. Он слал ей подробные письма, фотографические карточки выбранных им вилл, но Ольга Григорьевна не отвечала. Да и что можно было ответить, коли самая дешевая из выбранных Коковцевым вилл стоила шестьдесят тысяч франков? Конечно, ничего.

Посланник тем временем давно истратил двести рублей командировочных и был с позором выставлен из гостиницы за неуплату суточных. Скоро он дошел до того, что начал воровать ресторанные объедки и натуральным образом побираться. Затем, доведенный до отчаяния, Коковцев решил пешком добираться до дома и даже умудрился каким-то образом перейти две границы. В Румынии он был арестован и отсидел два месяца в бухарестской тюрьме за бродяжничество, покуда не был вызволен из нее российским консулом. Консул же отправил его домой, в Санкт-Петербург.

Обиженный мещанин не стал обивать пороги особняка на Литейном, как не стал и вымаливать у Ольги фон Штайн свои залоговые деньги; прямо с поезда он напрямиком отправился в прокуратуру и после недолгих разбирательств был направлен к Писемскому.

Как обрадовался Коковцеву прокурорский! Как жал ему руки, поздравляя с возвращением домой! Как радушно угощал его чаем с мягкими бубликами, поил кофеем и анисовой водочкой! Потому как следствие, которое завел на Ольгу фон Штайн Илья Ильич, шло ни шатко ни валко и всячески тормозилось многочисленными друзьями дома фон Штайн. А тут вдруг такой неожиданный свидетель! Подарок судьбы, ни больше ни меньше. К тому же готовый рассказать все, не опасаясь никаких последствий, поскольку после румынской тюрьмы человек вообще мало чего боится.

Писемский вцепился в него, как клещ, и более уже не отпускал. Появление Коковцева дало новый толчок «Делу мошенницы и аферистки генеральши фон Штайн». Машина правосудия закрутилась поэнергичнее, и пришел день, когда в дом на Литейном проспекте пришли полицейские приставы с прокурорским предписанием на арестование гражданки Ольги Григорьевны фон Штайн. Сопротивление и ругательства генеральши ни к чему не привели, и она в арестантской карете была отправлена в дом предварительного заключения.

Как рвал и метал их превосходительство Клейгельс! Как негодовали друзья дома из сенаторов, членов Государственного совета и депутатов Государственной думы! Какие препоны следствию ставили все они – то попеременно, то хором! И все-таки Илья Ильич, решивший, что «Дело Ольги фон Штайн» есть его дело чести, завершил следствие и довел его до суда. Чего это ему стоило, знает один Всевышний да немногочисленные подчиненные, коих Писемский гонял по делу нещадно днем и ночью. Единственно, чего смог добиться сам обер-прокурор Синода, так это выпустить Ольгу Григорьевну из ДПЗ под поручительское письмо.

Судебные слушания по делу Ольги Григорьевны фон Штайн открылись в половине сентября месяца. В вину ей вменялось более двадцати крупных афер, по совокупности которых генеральша должна была отправиться на поселение в Сибирь как минимум лет на пять-шесть. Открыться-то судебное следствие открылось, а вот закрыться не успело. Потому как сразу же после первого судебного заседания Ольга Григорьевна... исчезла. Куда именно – не знал ни ее муж, ни адвокаты, ни друзья дома. Кроме одного – депутата Государственной думы Генриха Осиповича Миля, как раз и присоветовавшего ей скрыться за границу и изменить свое имя.

Полиция искала Ольгу Григорьевну фон Штайн по всей Европе. Тайно вскрывались все письма от лиц, заинтересованных в побеге генеральши, однако эти акции ни к чему не привели. Равно как и обращения к полициям европейских стран с просьбами помочь в розыске указанной гражданки. Потому как искали Ольгу Григорьевну фон Штайн, урожденную Ольгу Гиршеву Загалевиц, а следовало искать Амалию Шульц, немку и несчастную вдову магдебургского пастора.

В Германии Ольга Григорьевна, вернее сказать, Амалия Шульц овладела многими смежными воровскими профессиями. Она стала гостиничной воровкой, маравахершей, фармазоншей и даже скрипушницей, то есть воровкой на вокзалах и пристанях. Словом, как говорят истые мусульмане: «Заставит нужда – и свинью назовешь шурином».

Дважды Ольга попадалась на маравахере, то есть на карманных кражах, но выходила сухой из воды посредством охмурения терпил, то бишь пострадавших. Обворованный господин, подпавший под ее женские чары, отказывался от своих первоначальных показаний и «не узнавал» в Амалии ту мошенницу, что стибрила у него лопатник или часы с брелоком.

Один раз Амалия даже побывала в образе шопенфиллерши, приняв участие в ограблении ювелирного магазина. Приказчик магазина, каковому подельники Амалии проломали башку, тоже не пожелал узнать в ней грабительницу, приняв от нее в знак благодарности за свое молчание полный набор женских ласк, включая новомодный «минэт». Однако, несмотря на удачу, в полицейские списки «оставленных в подозрении» Амалия все же попала, а это значило, что

за ней установили негласный надзор. Погастролировав по германским княжествам, Амалия наконец осела в Царстве Польском, в Варшаве, что все-таки было не Россией.

Здесь она довольно удачно провернула несколько посреднических операций, после чего сняла неплохую квартирку в самом центре города, однако нешуточно скучала по большим делам – и, возможно, именно поэтому принимала время от времени приглашения очистить какого-нибудь фраера в его гостиничном номере, покуда тот крепко спал. Схема эта называлась «Гутен морген» и была отработана еще несколько десятилетий назад небезызвестной Сонькой Золотой Ручкой, о которой и по сию пору ходили легенды.

Последнее предложение относительно «Гутен моргена» она приняла от держателя «Европейской» пана Дворжака...

* * *

Утомленные любовными играми, они спали, когда в комнату под номером сорок восемь требовательно постучали.

«Кто бы это мог быть?» – подумал Артур, и, как это всегда бывает перед опасностью, у него защемило под ложечкой.

Амалия на стук никак не отреагировала. Она дремала, поскольку была утомлена намного больше маркиза, принимая во внимание то, что любимейшей ее позой в любовных играх была активная позиция сверху. Впрочем, такое господствующее положение было характерно для нее и в воровской профессии.

Часы показывали половину двенадцатого, и время до полудня еще можно было назвать утренним.

Артур поднялся, накинул на себя шлафрок и пошел отпирать дверь. Пока он брел к порогу, стук, повторившись, значительно усилился, что очень не понравилось «графу». Непроизвольно надев на лицо маску безразличия, маркиз открыл дверь, и первое, что увидел, это синюю полицейскую форму. Затем его взгляд поднялся к знакам различия и серебряной медали за выслугу лет. Только потом он перевел взгляд на полноватое лицо с усами, закрученными кверху, пытаясь изобразить неподдельное изумление.

– Вы ко мне, господа полицейские?

– К вам-с, разлюбезный... Я пристав второй полицейской части Жалейко, – представился усач. – А это, – он сделал движение головой назад, – околоточный надзиратель Хамзин.

Артур кивнул и посмотрел в дверной проем. За головой околоточного Хамзина, не спускающего с него взгляда своих серо-голубых глаз, маячила голова пана Дворжака. Его глаз Артур не увидел, они спрятались в тени.

– Цель вашего визита? – спросил Артур, загораживая проход.

– Вы – граф Артур Ламбер из Парижа? – спросил пристав.

– Точно так, – с достоинством ответил Артур.

– И вы же маркиз де Сорсо. Не правда ли?

Жалейко цепко уставился в глаза Артура, надеясь вычитать в них все, что ему надобно. Но глаза «графа» выражали лишь удивление и легкое раздражение, что вполне можно было понять и без всякого криминала: два полицианта врываются в его номер, где он не один, а с дамой в совершеннейшем неглиже. Если быть точнее, даже без него. Радостного в подобном визите, надлежит признаться, решительно не бог весть сколько.

– Да, это так, – не сразу ответил Артур, стараясь отыскать взглядом Дворжака. Вот ведь, легавых привел, паскудник. Верно, в надежде вернуть свои десять тысяч и не отдавать ему акции Транссибирской магистрали. – А в чем суть, господа?

– Некто маркиз де Сорсо разыскивается имперской полицией за подлог и самозванство. Это, случаем, не вы? – ехидно спросил пристав Жалейко.

– Смею вас уверить, господа, вы ошиблись, – спокойно сообщил Артур. – Я третьего дня приехал из Парижа.

– Что, и документики у вас сохранились? – спросил усатый пристав, тесня Артура необъятной утробой.

– Какие еще документики?

– Проездные билеты, к примеру, – продолжал медленно двигаться внутрь номера Жалейко. – Что вы и правда прибыли из Парижа.

– Нет, документиков у меня таких не сохранилось, – не менее ехидно ответил Артур. – Я приехал сюда как частное лицо, отчет в сей поездке мне держать некому, посему билеты я давно выбросил. Зачем мне их хранить, согласитесь?

Жалейко промолчал.

– Кто там, милый? – спросила из спальни Амалия.

– Да простое недоразумение, дорогая, – успокаивающим тоном ответил Артур и просительно посмотрел на пристава: – Может, вы все-таки позволите мне и моей даме одеться, господин полицейский?

В ответ на просьбу Жалейко решительно отодвинул Артура в глубину комнаты и направился в спальню. Бесцеремонный поступок взбесил «графа» как дворянина и просто как человека. Он бросился назад и снова перегородил дорогу приставу.

– По какому праву вы собираетесь ворваться в спальню к неодетой женщине?! – взорвался Артур, отчасти «для вида», чувствуя, что понемногу переполняется нешуточным возмущением. – И по какому праву вы так бесцеремонно входите в помещение, являющееся в данный момент моим жильем?!

– По праву исполнения закона, – побагровел пристав, меча из глаз молнии. – Вы, господин маркиз, арестованы!

– Я граф Ламбер, французский подданный, – гордо вскинул голову Артур, лихорадочно соображая, как ему поступить в непростой ситуации. – И арестование меня вы сможете произвести только в присутствии представителя консульства Франции. А теперь я прошу вас немедленно покинуть номер и дать мне и мадемуазель облачиться!

С этими словами Артур скользнул в спальню и быстро повернул ключ замка. Затем выглянул в окно и, убедившись, что там их никто не караулит, повернулся к Амалии.

– Собирайся, быстро! – прошипел он и стал одеваться с такой молниеносной быстротой, будто начались армейские учения или надвигалась настоящая война. Неистовый стук в дверь подхлестнул его, и менее чем через минуту Артур был собран.

– Именем закона, откройте немедленно дверь! – заорал из-за двери пристав.

– Не признаю никакого ареста и не открою без присутствия представителя консульства Французской Республики! – крикнул Артур в ответ и посмотрел на Амалию, которая и не помышляла одеваться. – В чем дело, сударыня?

– Я никуда не пойду, – спокойно ответила она, ежась под одеялом. – Тем более я не собираюсь прыгать из окна. Да и что они мне предъявят? Что я спала с преступником? Так я не знала, что ты преступник. И поддалась на твои уговоры исключительно под воздействием звучных титулов: граф, маркиз... Тем более, – она ухмыльнулась, – что ты, мерзавец эдакий, подпоил меня и воспользовался моим беспомощным состоянием, дабы совершить со мной известные действия...

– Как знаешь.

Он уже ступил на подоконник и поднял раму, затем, подумав, полез в карман, чтобы достать портмоне и поделиться с Амалией деньгами. Но портмоне в брюках не оказалось...

– Деньги, – прорычал он, подлетая к ней.

Она молча протянула ему пузатое портмоне. Делиться с воровкой он уже передумал.

– Благодарю за чудесное утро, – скороговоркой выпалил он и, нагнувшись, пролез под рамой. – Адю.

И прыгнул.

– Откройте, иначе мы выломаем дверь! – закричал за дверью пристав Жалейко.

– Зачем же ломать, – послышался обиженный голос Дворжака. – Сейчас я принесу ключи.

Через минуту, когда полицейские открыли дверь, Амалия лежала на постели, укрывшись одеялом до подбородка, и с испугом смотрела на ворвавшихся в спальню мужчин. Испуг в ее глазах был искусственным, но никто этого не заметил.

– Где он? – зарычал на нее Жалейко.

– Он вы-вылез в окно, – продолжая разыгрывать испуг, проблеяла невинной овечкой Амалия.

– Ч-черт! – выругался пристав и бросился вон из комнаты. Следом за ним вылетел из спальни надзиратель.

– Где деньги? – тихо спросил Дворжак, когда полицейские ушли.

– Он их забрал, – сказала Амалия и всхлипнула.

– Как забрал? – Челюсть у пана Дворжака отвисла, как будто оторвались веревочки, призывающие ее к голове. – Куда забрал?

Амалия посмотрела на него, как на чумного:

– С собой, разумеется!

Голова у Дворжака работала медленно, но все же он сообразил, что ежели граф-маркиз сбежал от полицейских, значит, рыльце у него в пушку. А коли у него рыльце в пушку, стало быть, его акции Транссибирской магистрали, оставленные в залог под десять тысяч рублей, вполне могут быть ворованными или, хуже того, и вовсе фальшивыми. И гостиничный владелец, по-бабьи вскрикнув, побежал к себе в кабинет, где у него в сейфе новейшей английской конструкции лежали акции маркиза. Мнимая же пасторская вдовушка, медленно и сладко потянувшись, сунула под постельный матрас руку и достала плотную пачку денег. Полюбовавшись ассигнациями и прикинув, что на них можно будет прикупить и как надолго ей хватит добытой суммы, она принялась медленно одеваться.

Через полчаса, молодая и свежая, она уже выходила из гостиницы, дабы нанять лихача-извозчика и ехать завтракать в лучшую городскую ресторацию. Жизнь, милостивые государи, не такая уж и плохая штука! Ежели, конечно, подходить к ней с умом.

Глава 4

ЦЕНА НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ

На удачу маркиза, прохожих на улице оказалось немного: какая-то старушенция испуганно шарахнулась от него, когда он, по ее мнению, возник из-под земли как «черт из табакерки»; да вот еще мужчина в котелке многозначительно проводил удалыца долгим взглядом, после чего бросил взгляд на раскрытое гостиничное окно.

Артур, приземлившись – слава Богу, удержался на ногах – и залихвацки подмигнув мужчине в котелке (дескать, с кем не бывает, когда неожиданно к женщине приходит муж), бодро направился по направлению к извозчицкой бирже. Через несколько шагов он побежал, сел в первую же попавшуюся пролетку и приказал:

– Гони!

– Куда пан желает? – спросил извозчик.

– Прямо, потом налево, потом направо, – ответил Артур и почти криком добавил: – Тебе что приказано? Гони, шельма!

Извозчик пожал плечами и тронул, как говорится, с места в карьер. Он проехал прямо, с первым же поворотом свернул, как и было приказано странным седоком, налево, а на следующем перекрестке – направо. Несколько раз Артур оглядывался, нет ли за ним погони. Кажется, погони не предвиделось.

– Теперь куда пан прикажет ехать? – обернулся к нему озадаченный извозчик.

А и правда, куда?

Артур призадумался. По крайней мере, надлежало побыстрее покинуть Варшаву и вообще негостеприимную Россию и переждать до лучших времен где-нибудь в Венгрии, Монако или Герцогстве Люксембург, – самых нейтральных странах, не ввязывающихся в дела большой политики и, что самое главное, не подписавших конвенцию о выдаче государственных преступников заинтересованной стране. Деньги у него есть, документы в порядке...

Артура прошиб холодный пот, когда он вдруг вспомнил о деньгах и документах. С чего бы это?

С дрожью в пальцах он полез во внутренний карман сюртука и достал портмоне. Осторожно раскрыл. Документов в портмоне не было. А вместо денег в кармашке лежала аккуратно нарезанная газетная бумага...

Первой мыслью было – вернуться. Вернуться и высечь воровку поясным ремнем, отобрав перед этим паспорт и деньги.

За первой мыслью подоспела вторая, здравая: куда вернуться? Чтобы попасть в лапы полиции? Да и Амалии этой уже давно и след простыл. Нет, возвращаться в гостиницу было глупо и бессмысленно.

– Но и за границу нельзя без паспорта, – неожиданно сказал кто-то рядом с Артуром.

– Что вы сказали, пан? – полуобернулся к нему извозчик.

Артур вздрогнул и понял, что разговаривает сам с собой вслух. Вот до чего довела, бедня!

– Ничего, – буркнул невесело Артур.

Перво-наперво надлежало раздобыть денег. Без них никак!

Артур посмотрел на свой «Брегет», купленный когда-то за полторы тысячи франков, и спросил:

– А где тут, братец, ближайший ломбард?

– Здесь нет, надо ехать в центр.

– Давай гони в центр!

Через двадцать минут они остановились у ломбарда, и Артур, велев вознице ждать, открыл дверь с колокольцем. Бряцнув, колоколец вызвал из заднего помещения старика с горбатым крючковатым носом и выпученными глазами:

– Чего пан изволит?

– Пан изволит заложить свои часы, – ответил в тон старику Артур.

– Позволите взглянуть?

Артур выложил на прилавок «Брегет». Расставаться с часами было жалко, но что поделать?

– Восемьдесят рублей, – заявил горбоносый, глядя мимо Артура.

– Сколько? – возмутился Артур.

– Восемьдесят, – повторил скупщик.

– Дайте хотя бы сто.

– Восемьдесят пять, – жестко сказал старик. И добавил: – Это мое последнее слово.

– Хорошо, – глухо ответил Артур. – Давайте восемьдесят пять.

Получив квиток и деньги, Артур вышел и задумался.

Куда податься? О переходе границы нечего и думать. Наверняка все обложено, и при первой же попытке покинуть страну его возьмут и препроводят в дом предварительного заключения, где он будет дожидаться суда, а скорее всего – этапа в Петербург или Москву.

А там его ожидает каторга!

«Может, залечь на какое-то время на дно? Отсидеться, подумать обо всем как следует, а потом принять взвешенное решение», – пришла мысль.

И тут же вдогонку следующая мысль: «Тогда где? У кого?»

План созрел, когда Артур подошел к пролетке.

– Теперь куда, пан? – спросил извозчик.

– К Дульцинеям, – ответил Артур, усаживаясь. – Знаешь таких?

– Наслышан, пан, я много кого знаю, – ответил со значением возница. – Пан, наверное, желает нанести визит какой-нибудь паненке?

– Именно так, – ответил Артур, не желая вдаваться в подробности. – Чтобы приняла безо всяких вопросов. – Он немного подумал и добавил: – И недорого!

– Понял. Пани Ванда с улицы Люблинской устроит пана?

– А как она... ну, вообще?

– Как дама?

– Да. Не безобразная?

– О, нет, пан! Высокая, стройная... Служит кафе-шантанной певичкой у пана Духовичного.

– Певичка, говоришь? – Артур слегка призадумался. – Это интересно. Что ж, вези!

* * *

Горничная пани Ванды открыла Артуру безо всяких вопросов. Молча ввела в гостиную и столь же молча удалилась, скрывшись за тяжелой бархатной портьерой. Затем послышались приглушенные женские голоса и шуршание надеваемого платья. А еще через четверть часа в гостиную вошла высокая стройная женщина с длинными ресницами и накрашенными ярко-красными губами. Надо признать, она не лишена была привлекательности.

– Вы хотели меня видеть, пан? – спросила дама по-польски, оглядывая Артура с ног до головы.

– Да, – ответил Артур. – А не говорите ли вы, пани, по-французски?

– Говорю, – отвечала певичка.

Оказалось, что Ванда вполне прилично владеет французским, и разговор пошел на этом языке.

Артур представился графом Ламбером, извинился за неожиданное вторжение и наговорил кучу банальных комплиментов, что Ванде вполне пришлось по вкусу. Скоро он забыл и о своем незавидном положении, и об отсутствии документов и денег, увлекшись болтовней и пикантностью Ванды. Ведь доступные женщины возбуждают, не правда ли? И секрет их успеха кроется как раз в доступности. К тому же, если б не эти красные, чуток раздутые губы, ее вполне можно было бы назвать хорошенькой...

Обед был с вином и фруктами, в центре стола торжественно был водружен заморский плод ананас. На все изыски Артур истратил пятнадцать рублей, не считая той трешницы, что отдал кучеру. У него оставалось немногим более шестидесяти целковых, чего было вполне достаточно, чтобы доехать, скажем, до Будапешта или Вены. Но вот как туда добираться без паспорта? Впрочем, хороший обед, вино, барышня, готовая разделить ложе, – чего еще надобно здоровому неглупому мужчине? Пару-тройку дней у нее вполне можно переждать, а там, глядишь, и придет какое-нибудь разумное решение или подвернется счастливый случай. Главное – не мельтешить, даже если куда и торопишься. И не суетиться.

Отобедав, Артур и Ванда сели на оттоманку.

Разговор отчего-то не ладился. Оба чего-то дожидались, словно к ним вот-вот должен был прийти неизвестно кто и в приказном тоне велеть начать соитие. Или, во всяком случае, побудить к тому.

Наконец, Артур начал наступление. Он приобнял кокетку за талию и, убедившись, что она не возражает, прижал к себе. Ванда сдержанно улыбнулась краешками губ.

Артур скользнул ладонью к ее пышной груди.

Ванда слегка прикрыла глаза, раскрыла пухлый ротик.

Артур поднес к ее рту свободную ладонь и одним движением стер ярко-красную помаду с аппетитных губ. А затем впился в них долгим и страстным поцелуем...

* * *

Амалия Шульц, «вдова магдебургского пастора», снимала одноэтажный домик в шесть комнат с небольшим садом в самом конце улицы Видок. Конечно, это были не апартаменты генерала фон Штайна на Литейном проспекте в Петербурге, к которым, надо признать, она успела привыкнуть, однако пани Шульц знала и более скверные времена. Так что жаловаться было особо не на что, а ежели принять во внимание тот факт, что в кармане ее блузы лежали десять тысяч рублей, которые для людей прижимистых или экономных являлись бы целым состоянием, то жить можно было вполне сносно. Во всяком случае, первое время.

Мешало одно – невыносимая скука!

Согласитесь, господа, скушно жить, когда один день похож на другой, как братья-близнецы. Тем более для натуры деятельной и авантюристической. Посему уже через два дня Амалия решила предпринять очередной демарш: облегчить ювелирный магазин на пару-тройку дорогих... пожалуй, что самых дорогих украшений.

Решение пришло утром, и к середине дня пани Амалия была уже готова к совершению очередной аферы.

Доехав до Рыночной площади и пройдя в самый ее конец, где стояли ночлежные дома для бедных, «пасторша» вошла в один из домов и пробыла в нем около двух часов. Из дома она вышла в сопровождении седого старика в длинном белом рубище и полноватой женщины с ребенком – девочкой шести-семи лет.

Старик немилосердно маялся с похмелья и являл собой почти апостольский облик: огромные печальные глаза, наполненные мукой последствий вчерашнего возлияния, и худые

щеки от хронического недоедания. Женщина, одетая ненамного лучше старца, имела простое лицо и своим обликом чем-то напоминала флегматическую корову, которой ни до кого и ни до чего не было никакого дела, кроме своей нескончаемой жвачки. От нее пахло потом и семечками подсолнечника, отчего Амалия-Ольга шла чуть поодаль от нее. Девочка была одета в заношенное бабье пальто, которое ей было до самых пят, не умела говорить и ничего не слышала. Ее огромные глаза были такими, словно она видела этот мир впервые.

Странная четверка взяла на площади экипаж и отбыла почти на самую окраину Варшавы. Остановившись возле дома с вывеской «Меблированные комнаты пани Строгановской», они прошли на второй этаж сего второсортного гостиничного заведения, где у них не спросили ни паспортов, ни видов на жительство, потому как одна из комнат была снята Амалией Шульц заблаговременно. Через некоторое время к дому с вывеской подъехала бричка, и из нее выпрыгнул приказчик галантерейного магазина с большими кулками и коробками. Ему понадобилось сделать три ходки, чтобы поднять на второй этаж все привезенное. Через полчаса он вышел, немного удивленный, но весьма довольный. Очевидно, полученные чаевые его вполне удовлетворили. Довольно улыбаясь, приказчик укатил восвояси, а еще через час из дома с вывеской вышли молодая женщина с пожилым мужчиной, убеленным сединами, в отличном новом пальто, мягкой шляпе и с дорогой тростью, с костяным набалдашником, делающими его похожим на германского промышленного магната, передавшего не столь давно все свои дела молодым отпрыскам. Лицо старика теперь имело благообразный вид, так как Амалия, проинструктировав, как ему следует себя вести во время «акции» (так она называла задуманное жульничество), чуток опохмелила его и заставила откусать горячего жульена, после чего лицо старика потеряло мученическое выражение и приобрело тихую и чуть печальную благость. По плану Амалии старик должен был изображать ее отца.

Полноватая женщина тоже преобразилась. От нее теперь исходил тонкий аромат цитрусового одеколona, а одета она была как матрона, занимающаяся присмотром за малолетним ребенком. За руку она держала девочку в соломенной шляпке и матросском костюмчике, похожую на юную баронессу германских кровей. Ее огромные синие глаза смотрели на мир так, как будто они видели его впервые. По замыслу Амалии, девчонка должна была изображать ее дочь. Сама Амалия была облачена в свое лучшее платье с серебристыми соболями, стоимвшее ей когда-то огромных денег. На плечах – бархатная накидка, застегнутая на шее большой изумрудной брошью, и шляпка из тончайшей сарацинской соломки с букетом роз и страусиными перьями посередине дополняли ее одеяние ежели не герцогини, то уж княжны или княгини как пить дать!

Взяв извозчика, счастливая семья подкатила к большому ювелирному магазину пана Полторацкого в северной части Саксонской площади. Магазин был лучшим в городе и, следовательно, одним из самых дорогих во всем Царстве Польском. Оставив коляску у дверей, «семья» вошла в магазин и остановилась у витрины с бриллиантовыми изделиями. Прознав про непростых клиентов, к ним вышел сам пан управляющий Яцек Полторацкий, сын престарелого пана Владислава Полторацкого. Управляющий счастливо улыбнулся Амалии, и та одарила его своим знаменитым светящимся взглядом, вызвавшим у Яцека появление на теле мурашек и шевеление волос на руках и груди.

– Чего изволит, пани? – спросил он с легким поклоном набриолиненной головы.

– Баронесса фон Гольстен, – с улыбкой поправила его Амалия. Говорила она по-немецки.

– Ах да, ну конечно, – словно узнавая баронессу, произнес извиняющимся тоном Яцек. –

Прошу у баронессы прощения.

По-немецки он говорил плохо. Что было хорошо, следовательно, он вряд ли способен был уловить ее легкий акцент.

– Ну что вы, – примирительным тоном ответила Амалия. – Мы с отцом и дочерью, – она посмотрела на старика и девочку, – в Варшаве всего-то проездом. Хотели провести у вас

два дня. Инкогнито, – она со значением посмотрела на Яцека. – Но пресса уже прознала о нашем приезде, а сегодня мы получили приглашение на обед от его высокопревосходительства генерал-губернатора Георгия Антоновича.

– Кхм! – со значением кашлянул пан Яцек.

– Он просит прибыть к нему в четыре часа пополудни, а все мои украшения, – Амалия беспомощно развела руками, – отстали вместе со всем нашим багажом и будут в Варшаве только поздно вечером. Поэтому я хотела бы купить у вас что-нибудь подходящее для того, чтобы надеть на прием к его высокопревосходительству... Ну, вы меня понимаете?

– Разумеется, баронесса, вы правильно сделали, что пришли именно к нам. Давайте сейчас посмотрим! Ну, чего вы встали? – прикрикнул он на приказчика. – Несите для баронессы украшения!

Яцек был сама любезность. Колье, подвески, броши – все для пани, то бишь баронессы.

Осмотр драгоценностей был не очень долгим. Ибо знающему человеку увидеть то, что действительно представляет настоящую ценность, – раз плюнуть. Ну, вот разве что еще примерить, чтобы посмотреть, как будет выглядеть колье на лебединой шее и серьги на маленьких красивых ушках.

– Вот эта бриллиантовая подвеска меня бы устроила, – указала затянутым в лайковую перчатку пальчиком Амалия. – И еще... – она немного подумала и повела пальчиком по витрине, – вот это колье. И еще эта диадема.

Старик, наблюдая за действиями «дочери», шумно вздохнул. Амалия метнула на него быстрый взгляд, после чего бывший оборванец принял позу знающего себе цену человека, для которого приобретение очередных бриллиантовых безделушек дочерью – на его, разумеется, деньги – все равно что выпить чашечку кофею.

– Прекрасный выбор, баронесса! – с восхищением произнес Яцек, восторженно глядя на Амалию. – Это самое лучшее, что у нас есть. И, – он слегка смутился, – конечно же, вы уж меня простите, самое дорогое.

– Цена для меня не имеет никакого значения, – просто ответила Амалия. – Сколько?

– Так, – совершенно разволновался Яцек. Столь значительные покупатели по нынешним временам большая редкость. – Колье двадцать три тысячи пятьсот рублей и бриллиантовая подвеска сорок две тысячи. Итого, баронесса, шестьдесят пять тысяч пятьсот рублей. Футляры для этих изделий отделаны кожей, бархатом и серебром.

– Вот как. Какова же их цена?

– Футляры прилагаются бесплатно. Извольте дать распоряжение упаковать?

– Пакуйте, – беспечно ответила Амалия и, глядя прямо в глаза управляющего, добавила: – И передайте владельцу магазина, что я весьма довольна ассортиментом ваших товаров.

– О-о, непременно передам, баронесса, – зарделся от удовольствия Яцек. – Благодарю вас.

– Нет, это я вас благодарю, – грудным голосом отозвалась Амалия и коснулась руки Яцека, вызвав у него новую волну мурашек и вставание волос.

На ее глазах драгоценности были разложены по великолепным футлярам, закрыты на серебряные замочки и уложены в аккуратный пакет с нарисованным на нем колье и названием магазина. Пакет Яцек вручил ей прямо в руки и взялся за счета. Напрямую попросить денег у баронессы у него не повернулся язык.

Амалия понимающе усмехнулась:

– Сей секунд.

Достала из ридикиюля портмоне. Раскрыла. И виновато посмотрела на управляющего:

– Господи... восемьдесят тысяч. Я забыла их на своем бюро. – Она сердито обернулась в сторону бонны: – А вы куда смотрели! Не могли подсказать мне?!

– Я собирала вашего ребенка, – ответила обиженно «бонна» на ломаном немецком, и крупная капля пота покатила у нее со лба на переносицу.

Эту фразу женщина зубрила целый час, потом двадцать раз повторила по дороге в магазин, но все время опасалась, что забудет ее или перепутает, а то и просто язык не повернется от волнения, чтобы пролаять сии гортанные звуки.

Однако ничего, все вышло вроде как надо.

– А вы, фатер? – Она укоризненно взглянула на «отца», и тот виновато пожал плечами. Было видно, что в баронской семье фон Гольстенов она главная.

– Хорошо, – Амалия решительно посмотрела Яцеку в глаза. – Деньги будут ровно через четверть часа. Я сейчас съезжу в гостиницу и немедленно привезу их. А пока вот, возьмите.

И «баронесса» сунула в руку управляющего восемьсот рублей. Тот деньги принял и машинально отщелкнул на счетах восемь косточек.

– Да, вот еще отца с дочкой вам оставляю, – произнесла «баронесса», прижимая к груди бумажный пакет с футлярами внутри. – Чтобы у вас каких-нибудь сомнений не возникло...

– Что вы, какие сомнения, – пролепетал Яцек уже в спину выходящей из магазина «баронессы».

Из окна магазина было видно, что она села в коляску и быстро укатила. Очевидно, очень торопилась за своими восьмьюдесятью тысячами, забытыми на бюро.

Через двадцать минут Яцек в первый раз посмотрел на часы. И вздохнул.

По прошествии получаса после отбытия Амалии за деньгами послышался стук копыт, и против магазинных окон остановился экипаж. Яцек облегченно выдохнул и пошел навстречу. Однако в магазин вошла вовсе не «баронесса», а молодой господин в котелке и с тонкими усиками. Он попросил показать ему обручальное кольцо, долго выбирал и купил самое дешевое.

Яцек снова взглянул на часы. Минуло более сорока минут, как отъехала «баронесса», и первые признаки сомнения нарисовались на лбу управляющего двумя поперечными морщинами. Он посмотрел на старика-«отца», «бонну» и «дочку» «баронессы». Они стояли притихшие и, похоже, старались не дышать, старательно отводя взоры от Яцека. Только девочка была безмятежна и встретилась взглядом с Яцеком. Ее взор не выражал ничего, кроме застывшего в нем удивления, словно все, что она созерцала вокруг, она видела впервые.

– Где ваша дочь? – на ломаном немецком спросил Яцек «промышленного магната».

Старик молчал.

– Где пани баронесса? – спросил он женщину, но та лишь пожала плечами, словно не поняла вопроса.

Яцек неожиданно осознал, что пани «баронессу» он может больше никогда не увидеть, и по всему телу у него побежали холодные противные мурашки.

Что делать? Шестьдесят пять тысяч рублей! Это же огромное состояние! Каким нужно быть глупцом, чтобы профукать его в течение получаса! Как можно было отдать драгоценности без полной оплаты?!

Эта баронесса явно замagnetизировала его. Она просто колдунья!

Управляющий вплотную подошел к старику.

– Кто была эта женщина?

Старик молчал.

– Я вас спрашиваю, кем приходится вам эта дама? – обратился он к «бонне».

– Мы ее сегодня видели в первый раз, – призналась женщина.

– Вы хоть знаете, как ее зовут?

– Нет, пан, мы этого не знаем, – спокойно ответила матрона. – Она пришла к нам сама и сказала, что нам надо будет просто сопровождать ее некоторое время. Для представительства. Что мы и сделали.

– Для представительства?! – взорвался Яцек, осознавая весь ужас случившегося. Последняя надежда, что баронесса все же окажется настоящей, только что умерла с последними словами «матроны».

– Да, для представительства, – охотно повторила «бонна». – Так она сказала сама...

В данное мгновение управляющего Яцек вдруг посетила скверная мысль, что если в жизни горя больше, чем радости, то, возможно, жить решительно не стоит. И вряд ли стоит осуждать тех, кто наложил на себя руки. Пожалуй, что их надлежит понимать и даже жалеть...

Он вдруг неожиданно успокоился и усталым голосом спросил:

– Вы знаете хоть, где она живет?

Старик молчал.

– Я спрашиваю, вам известно, где она живет? – заорал вдруг Яцек прямо ему в лицо.

– Она снимает на окраине мебелирашку, – невозмутимо ответила за старика женщина.

– Что? Меблирашку? На окраине?! Господи!

– Так точно! – по-военному ответил наконец заговоривший старик, смахивая капли пота со лба. – В меблированных комнатах пани Строгановской.

– Хоть что-то! – отвечал управляющий. – Ну, чего, стоишь, – крикнул он подошедшему сторожу, – задержи этих проходимцев, пока не появится полиция!

Немедленно на окраину города был отправлен приказчик. Троица же – старик, женщина и девочка – прошли в заднюю комнату магазина, как бы заарестованные управляющим. Старик по большей части молчал, женщина смирно и флегматически дожидалась дальнейшего развития событий, а девочка продолжала смотреть на мир широко раскрытыми глазами.

Когда вернулся приказчик, Яцек разговаривал по телефону с отцом. Полторацкий-старший нещадно ругался, называл сына придурком, и дважды в его речи прозвучало донельзя обидное слово «мудак».

– Хорошо, отец. Да... Да... Совершенно согласен с вами. Да... Хорошо. Так я и поступлю...

Закончив телефонный разговор с отцом, Яцек вытер вспотевшее лицо платком и обратился к приказчику:

– Ну, что?

Вопрос прозвучал в столь безнадежной тональности, что ответа можно было уже не слушать, да и не говорить. Но приказчик все же ответил:

– Пани баронесса съехали из номера час назад...

– Куда?!

– Хозяйка номеров не ведает.

– Звони в участок, – приказал приказчику Яцек.

– Чего?

– Ты глухой? Звони в участок, сказано!

* * *

В этой части Варшавы, населенной людьми с титулами и достатком, происшествия уголовного характера случались до чрезвычайности редко. Посему занимать место пристава в этом уголке города считалось некоторым повышением по отношению к приставам всех остальных частей города и предместий. Службою ни пристав, ни его помощник обременены особо не были; вследствие этого звонок из ювелирного магазина пана Полторацкого прозвучал как гром среди ясного неба.

На экстренный вызов полицейский пристав Яков Васильевич Щелкалов решил отправиться лично. Ну а коли пошел пристав, так помощнику остается только следовать за ним.

В магазин Щелкалов вошел вместе с помощником и городовым. В подобного рода заведениях Якову Васильевичу бывать приходилось редко, разве что по долгу службы, но надо признать, он уж и не помнил, когда это произошло в последний раз. Поднапрягшись, он поко-

пался в памяти... Верно, это было три года назад, когда он приобрел вот в таком же магазине золотые сережки для жены, дабы отметить подарком двадцатилетие их супружества. Ишь ты!

Колокольчик в дверях звякнул дважды. Тотчас к приставу кинулся бледный молодой мужчина с ранними залысынами на лбу, представившись управляющим Яцеком Владиславовичем Полторацким. Волнуясь и перескакивая с одного на другое, он рассказал про похищение «баронессой» двух самых дорогих изделий магазина: бриллиантовой подвески и алмазного кольца.

– На шестьдесят пять тысяч пятьсот рублей обокрала наш магазин, воровка, – сетовал полициантам Яцек Полторацкий, заламывая руки и подпуская слезу в голос. – Кто бы мог подумать, панове, ведь с виду такая приличная женщина... А как она была одета!

Щелкалов и помощник переглянулись: способ, при помощи которого были похищены дорогие украшения, был положительно нерядовым, даже весьма оригинальным. Скорее всего, это было не похищение в чистом виде, а хорошо продуманная и исполненная афера в духе Соньки Золотой Ручки. Уж не сбежала ли снова знаменитая мошенница и воровка с каторги?!

Да нет, не похоже...

Судя по описанию, данному приказчиком, представившаяся баронессой фон Гольстен была много моложе знаменитой Соньки, хотя действовала так же нагло и дерзновенно. Что ж, можно считать, что следствие по делу о похищении драгоценностей в ювелирном магазине пана Полторацкого открыто.

Покудова помощник проводил с управляющим и приказчиками дознание, записывая их показания, пристав прошелся по магазину.

Красота!

Чего только не предлагал покупателям с тугим кошельком магазин Владислава Полторацкого! Серьги, броши, браслеты, портсигары, кольца и перстни стоимостью в двухгодичное жалованье частного пристава; кулоны, брелоки, жемчужные бусы, алмазные и бриллиантовые подвески, жемчужные, коралловые и бриллиантовые кольца в стоимость дома в Москве или Петербурге, или даже целого имения.

И ведь находятся люди, кто все это покупает!

Помощник тем временем опросил управляющего и двух приказчиков. По их показаниям, женщина, представившаяся баронессой фон Гольстен, весьма хорошо говорила по-немецки, понимала польский язык и имела от роду около тридцати лет. Она была стройна, ухожена, среднего роста; внешность имела привлекательную, нос обычный, с небольшой горбинкой; лоб большой, чистый, безо всякого намека на морщины; волосы темные, глаза карие.

– Да, вспомнил!.. У нее еще был такой взгляд... блестящий и влажный, что ли... – добавил Яцек.

– Влажный? – удивленно переспросил Щелкалов.

– Ну да, влажный, – повторил Яцек. – По крайней мере, я бы сказал именно так.

– Вы уже это сказали, – заметил ему пристав. – Еще что-нибудь запомнили?

– Нет, – ответил Яцек, подумав.

– А вы? – обратился пристав к обоим приказчикам.

– Нет, – ответил один, покачав головой.

– Нет, это все, – сказал другой, пожав плечами.

– Хорошо, – произнес Яков Васильевич. – Вы никуда не собираетесь выезжать?

– Не предвидится, – ответили оба приказчика.

– А вы? – обернулся пристав к Яцеку.

– Куда же теперь ехать-то, – обескураженно протянул управляющий.

– Это я к тому, – пояснил Щелкалов, – что ежели мы эту так называемую «баронессу» заарестуем, так чтобы вас всегда можно было найти, чтобы произвести очную ставку или опознание.

– Ясно, – ответил Яцек. – А вы ее... заарестуете?

– Несомненно, – ответил полицейский пристав. – Вопрос лишь во времени.

– А драгоценности?

– Что драгоценности?

– Драгоценности вы ее заставите вернуть? – с надеждой посмотрел на Щелкалова Яцек.

– Это зависит от того, как скоро мы ее изловим, – ответил пристав. – А в нашем деле, сами понимаете...

– Хотелось бы поскорее, господин пристав, – просящим тоном произнес Яцек Полторацкий.

– Нам тоже... Здесь наши желания вполне совпадают. – Пристав коротко посмотрел на помощника и добавил: – Что ж, приносим вам наши соболезнования по поводу утраты ценностей и спешим заверить вас, господин управляющий, что полиция Варшавы в нашем лице приложит все возможные усилия, дабы изловить мошенницу и заставить ее понести заслуженное наказание. Можете передать это вашему батюшке.

– Вы даже не представляете, как мы на вас надеемся! – с чувством отозвался управляющий.

– Родственников «баронессы фон Гольден», – Щелкалов посмотрел на старика с «бонной» и девочку, – мы забираем с собой, в участок и... с тем разрешите откланяться и принять от нас заверения в совершеннейшем нашем почтении, – слегка приподнял он котелок.

Когда за полицейскими закрылась дверь, Яцек обхватил голову руками. Хотелось плакать и рвать на груди волосы, а голову посыпать пеплом. Да что там пеплом, землей!

Еще от накотивших треволнений сильно хотелось выпить.

Яцек прошел в дальнюю комнату и достал из тумбочки стола бутылку с коньяком и высокий бокал. Налил на доньшко бокала темно-коричневый напиток, подержал в руке, понюхал... Долил до трети бокала, затем, подумав, налил до половины и одним махом опрокинул содержимое в рот. Проглотил, выдохнул и уставился в одну точку.

На душе было муторно и скверно. Но рвать на груди волосы и посыпать голову пеплом уже не хотелось...

Глава 5

ГРАФ-РЕСПУБЛИКАНЕЦ

Лучшего убежища, нежели у Ванды, трудно было сыскать.

Вечерами, ближе к ночи, певичка уходила на службу и возвращалась только под утро. Затем отсыпалась и весь день до позднего вечера была в распоряжении Артура. Губ она больше не красила, в результате чего выглядела свежее и как-то по-домашнему, что действовало на «графа» успокаивающе и где-то даже возбуждающе.

Два дня пролетели, как несколько часов.

В варшавских газетах, которые покупала Ванда по просьбе Артура, никаких сообщений относительно его розысков не встретилось. Очевидно, полиция решила обойтись собственными силами, не привлекая внимания общественности к его персоне. Это настораживало, но и внушало некоторую надежду на возможность успешного пересечения границы. Нужно было либо раздобыть подходящие документы, либо найти нужного человека, который сумел бы организовать переход границы. Когда в газетах появится объявление о его розыске с описанием его примет, сделать это будет много труднее.

На третий день, после двукратного соития, возлежав на оттоманке, они с Вандой беседовали о пустяках. Благостное состояние души и тела, которое возникает после предания любовным ласкам всего себя без остатка, не предполагало серьезных разговоров, однако Артур все же вскользь упомянул об утере документов и невозможности выезда за границу.

– Так выправь документы, и дело с концом, – без интонаций заметила на это Ванда.

– Не могу, – ответил Артур. – Русская полиция знает, что я принадлежу к партии французских социал-демократов и приехал в Россию налаживать связи с паном Пилсудским и другими польскими социалистами. Мы, сторонники объединенной и независимой Польши, как кость в горле для русского царя и его сатрапов.

– Так ты революционер! – восторженно произнесла Ванда и приподнялась на локте. Ее взор, обращенный на Артура, пылал обожанием и восхищением.

– Да, дорогая, можно сказать и так, – согласился социал-демократический граф. – Мне срочно надо уехать в Вену, где меня ждет мой связной, да вот ума не приложу, как это сделать. Только это, – он строго посмотрел на нее и приложил палец к губам, – строго секретная информация. И за ее разглашение по законам нашей организации полагается смерть.

Ванда надолго замолчала. Потом, когда они стали строить планы завтрашнего дня, она вдруг выпалила:

– Кажется, я смогу помочь тебе.

– В чем? – не понял сразу Артур.

– Ну, о чем ты говорил, – выбраться за границу.

– Шутишь? – улыбнулся Артур, на самом деле превратившись в слух и внимание.

– Отнюдь, я вполне серьезно. Дело в том, что у меня есть сестра. А у сестры муж. Он мировой судья. Живут они в Люблине, и однажды муж сестры помог перебраться за границу одному русскому князю, замешанному в заговоре против царя. Кажется, его звали Крылаткин.

– Может, Кропоткин?

– Не помню, – Ванда виновато улыбнулась. – Хочешь, я напишу ей письмо?

– А это будет удобно? – спросил Артур.

– Разумеется, ведь она же моя сестра. – Ванда посмотрела на Артура, и ее глаза стали печальными. – Одно плохо.

Она замолчала и отвернулась.

– Что же плохо, дорогая? – повернул ее к себе Артур.

– То, что ты от меня уедешь. Но ведь тебя все равно не удержать, правда?

«Правда», – хотел ответить Артур, но промолчал.

Ванда всхлипнула и стала похожа на ребенка, которого хочется успокоить и пожалеть. Он успокоил ее. По-своему. И пожалел. Как мужчина может успокоить и пожалеть женщину, когда они лежат в постели, соприкасаясь голыми телами.

Ответ пришел неожиданно быстро. Это для Ванды. Для Артура письмо от сестры Ванды пришло не так уж и скоро. В письме Юзя – так звали старшую сестру Ванды – отписала, что она и ее муж сделают все возможное для человека, отдающего свои силы и помыслы восставлению Великой Польши.

Пришла пора расставаться. Ванда буквально ревела, и слезы ручьем лились из ее глаз.

– Не плачь, – Артуру было неловко. Последняя женщина, которая плакала из-за него, была его матушка, когда он был вынужден покинуть Россию. Остальные женщины в его жизни, которых он оставлял или которые оставляли его, либо посылали ему в спину проклятья, либо пытались оправдываться и вернуть его. Так или иначе, но у тех и других глаза были сухи.

Но Ванда... Неожиданно для самого Артура в их отношениях возникло нечто особенное, чего у него не случалось с другими женщинами.

– Не плачь, – повторил Артур и погладил ее по голове. – Может, свидимся еще...

Маркиз протянул оставшиеся у него деньги, но она не взяла их, отказавшись движением головы. Говорить Ванда не смогла из-за накативших рыданий.

Потом они обнялись и простояли так какое-то время.

– Ну, я пошел, – сорвавшимся вдруг голосом произнес Артур. – До видzenia.

Ванда лишь качнула головой. В общем, как говорится в таких случаях, они расстались друзьями.

На вокзале он удачно сел в поезд и по приезде в Люблин сразу направился к Юзе.

Дома ее не оказалось. Ее муж тоже еще не возвратился со службы, поэтому Артур любезно принял приглашение экономки – что встречала его, буде извещена о приезде «графа», – разместиться покуда в гостиной и откушать кофею. Потом его отвели в комнату, выделенную для него.

Скоро пришла пани Юзя. Она была года на два постарше Ванды и немного полнее, хотя полнота имелась именно в тех местах, против которых мужчины вряд ли имели что-либо против.

Представившись, Артур быстро расположил Юзю к себе, и когда вернулся со службы ее муж, они были уже добрыми друзьями. Супруг Юзи, несмотря на свою строгую должность, оказался человеком вполне добродушным и крепко любящим свою «Великую Польшу, отданную на растерзание милитаристическим державам», в число которых он включал и Россию.

Артур не спорил с ним. Напротив, надев личину французского графа-республиканца и интернационалиста, он рьяно поддерживал судью и несколько раз повторил, что Юзеф Пилсудский именно тот человек, который необходим сегодня как воплощение идеи возрождения Речи Посполитой. Мол, это не только его, графа Ламбера, мнение, но и парламента и правительства Французской Республики в целом.

– Франция всегда поддержит вас, поляков, в борьбе за вашу независимость, – горячо говорил Артур, расхаживая по гостиной. – Для этого я был послан к вам парламентом Франции, чтобы открыто объявить вам об этом, несмотря на близость русского царя. Кроме того, вас поддержат Австро-Венгрия и Германия, которые не хотят усиления России, развивающейся сейчас слишком быстрыми темпами. Нет, сильная Россия не нужна ни полякам, ни французам, ни остальной Европе. Всем нам нужна Россия, занимающаяся своими внутренними проблемами. И мы, свободные страны Европы, устроим ей эти проблемы.

Муж Юзи был в восторге от гостя. Конечно, он, как истинный патриот Польши, поможет другу своей многострадальной родины и сделает все, что в его силах, чтобы его сиятельство выехал за пределы империи без осложнений. Но ему бы очень хотелось, чтобы высокий гость

провел хотя бы дня два у него дома, чтобы иметь возможность и удовольствие пообщаться с ним подольше. У него, судьи, есть, на его взгляд, весьма интересные и перспективные планы относительно обустройства независимой Польши. И советы графа об этих планах, как человека и посланца республиканской Франции, конечно, занимающего в своей стране не последнее положение, были бы весьма ценны и полезны.

– Я бы с превеликим удовольствием остался погостить у столь ревностного служителя своей отчизне и патриотически настроенного гражданина возрождающейся Польши, – мягко возражал Артур, положив длань на судейское плечо. – И конечно, с интересом выслушал бы ваш план обустройства обновленной и независимой Польши, а возможно, и посоветовал что-нибудь дополнить или даже исправить. Однако, – «граф» притворно вздохнул, – дела требуют моего немедленного выезда из России и прибытия в Вену, где меня давно ждут мои социал-демократические товарищи. Не приехать к ним в означенные сроки равносильно измене как им, так и нашему с вами общему делу возрождения Великой и Неделимой Польши...

Артур строго посмотрел в глаза судьи и тяжело вздохнул. Потом перевел взгляд на Юзю, взор которой пылал патриотизмом, восхищением и чем-то похожим на вожделие. Вероятно, не будь в данный момент мужа, она в патриотическом экстазе отдалась бы графу в знак безграничной поддержки его планов и ради возрождения Великой и Неделимой...

Назавтра, встав в семь часов утра, Артур с судьей выехали в приграничное село Замостье, расположенное в непосредственной близости от австро-венгерской границы. Час ехали по «железке», потом еще верст пятьдесят с лишком до села. Вся дорога заняла более четырех часов, так что, по сельским меркам, приехали они в Замостье в точности к обеду.

Таможенного чиновника и короткого приятеля судьи они застали дома. Судья переговорил с ним по-польски; таможенник, время от времени почтительно поглядывая на «графа», затем удовлетворенно кивнул, и разговор, по-видимому, был исчерпан. Отобедав вместе и выпив на дорожку вина, судья, таможенник и Артур сели в дрожки и выехали из села.

Граница с Австро-Венгрией начиналась почти сразу за Замостьем. Разграничительной полосой между двумя государствами служила небольшая речка, через которую был перекинут деревянный крепкий мост. В начале моста находился шлагбаум и дом таможи, в которой приятель судьи, очевидно, был главным. Он отдал команду часовому поднять шлагбаум, что тот и проделал. Артур расцеловался с судьей, который неожиданно прослезился и вытирал глаза носовым платком, и с чувством пожал руку таможеннику. Затем ступил на пограничный мост – и через несколько шагов был уже в Австрии. Несмотря на простоту перехода границы, сердце его учащенно билось.

Свобода...

Без паспорта, практически без денег, но – свобода, черт ее побери!

Глава 6

ВЫ ВИДЕЛИ БАРОНЕСС?

Когда пристав второй полицейской части Жалейко и околоточный надзиратель Хамзин, упустив «графа-маркиза», вернулись в гостиницу, дамы, что была с ним, уже простыл и след.

– А где та блудница, что была с маркизом? – хмуро спросил Жалейко Дворжака, на что владелец гостиницы лишь пожал плечами.

– Вы знаете ее? – спросил у Дворжака околоточный Хамзин.

– Нет, – тотчас ответил Дворжак.

– Как же так? У вас в номере находится женщина, ночует, предается любви с мошенником, выдающим себя за графа, а вы об этом ни сном ни духом?

– Хозяйство у нас большое, уследить за всем невозможно, но я сейчас спрошу у коридорного, – ответил Дворжак и исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.